

АНТОН КОЗЛОВ

За дверью

Часть 2

АНТОН КОЗЛОВ
За дверью. Часть 2

«Автор»

2012

Козлов А. М.

За дверью. Часть 2 / А. М. Козлов — «Автор», 2012

Продолжение фэнтези-памфлета.

© Козлов А. М., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1. Два подземелья.	5
Глава 2. Сон в священной роще.	19
Глава 3. Путь домой.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Два подземелья.

Мой сон прервал громкий голос тети Вики:

– Калки, пора вставать!

Я перевернулся на другой бок и пробормотал:

– Как мне не хочется сегодня идти в школу...

И только произнеся эти слова, я вспомнил, что в школу не хожу уже несколько месяцев. Точнее, я не хожу на занятия в московскую школу, из-за каких-то непонятных амбиций руководства переименованную в лицей.

Теперь моим обучением и образованием занимались совсем другие учителя: маги, драконы, воины... Вернее, не воины, а воительницы. Воспитательницу и телохранительницу, которую почти десять лет я считал своей тетей, я по-прежнему называл «тетей Викой». В этот ранний час она разбудила меня, так как вскоре должна была начаться важная боевая операция, в которой я играл одну из главных ролей.

Я посмотрел на часы. Они показывали 28 часов 80 минут. Я около двух месяцев жил на Дубле и до сих пор не мог привыкнуть к местному времени. Два месяца прошло с тех пор, как в подземной лаборатории КОЛО – Колосского объединения локальных организаций – я объявил войну миру бездумного потребления, лжи и лицемерия. Но только сегодня должно было произойти первое настоящее сражение этой великой войны.

Надо честно признаться, что главной причиной предстоящей операции являлась моя неосторожность. Из-за собственной забывчивости и невнимательности в доме Отшельника, в Тассисудуне, я лишился своего рюкзака, в котором лежал бесценный предмет – альбом с рисунками, которые позволяли открывать магические двери в другие миры. Этот альбом оказался в руках моих врагов – истребителей магов. Только спустя два месяца, с помощью нескольких людей и боблинов, моим друзьям и их помощникам удалось найти военную базу, на которую был доставлен мой альбом. Поиски альбома – это отдельная история, которая окажется за пределами данного повествования. Главным сейчас для меня и моих друзей было вернуть альбом. А для этого нужно было совершить нападение на секретную и тщательно охраняемую военную лабораторию, которая находилась в Империке.

Пока я одевался, чистил зубы и умывался, я мысленно повторил все то, что узнал за прошедшие два месяца. После того, как я пролетел на колеснице, запряженной драконами, над горой Меру, я стал полноправным магом по крови. В последние месяцы моим образованием в основном занималась Браспаста. От нее я узнал множество «бытовых» подробностей жизни магов, о которых мне не рассказывал Маркандея, занятый почти исключительно глобально-философскими проблемами бытия.

Так, например, я узнал об эликсире бессмертия, который позволял магам оставаться практически бессмертными. Особая смесь из нескольких видов грибов, росших в Изначальном Мире, была проста в изготовлении, но чудодейственна по своему эффекту. Она не просто замедляла, а полностью прекращала процесс старения.

Если объяснять по-простому, любое живое существо состоит из множества клеток, которые рождаются и умирают. И только клетки коры головного мозга не обновляются. Уменьшение их количества приводит к старению и к смерти всего организма. А эликсир бессмертия стимулировал деление и размножение нервных клеток. Они же, в свою очередь, передавали нервные импульсы остальным частям тела и поддерживали их в неизменном состоянии: сколько клеток отмирало, столько же и рождалось им на замену. Конечно, на самом деле и строение организма, и действие на него эликсира основывалось не столько на физических законах, сколько на нематериальных вибрациях, складывавшихся в атомы и клетки. Но магические науки о низкоуровневом строении мира я только начинал изучать.

Пока мне было достаточно знать, что эликсир действовал только на магов по крови. Только мы, имеющие особый метаболизм, отличный от большинства других существ, могли пить отвар из ядовитых грибов без опасения отравиться. Так поступали маги с незапамятных древних времен. Именно отсюда произошли мифы о пантеоне бессмертных богов, пьющих сому или амброзию, недоступную простым смертным.

Из главного свойства эликсира следовал побочный эффект: начав его пить, маг по крови останавливался в своем развитии. Поскольку магический талант был напрямую связан с возрастом и усиливался с годами, маг должен был выбирать между молодостью или силой. Каждый сам делал свой выбор. Маркандея, например, предпочел остаться Вечным Ребенком. За свою долгую жизнь он обрел такие знания и мудрость, которые компенсировали силу магии. По мифам разных народов я знал, что боги (маги-мужчины) обычно представляли в образах зрелых мужей, тогда как богини (маги-женщины) традиционно блистали красотой юности. Причем чем старше были боги, тем большим могуществом и большей властью они обладали. Большинство мужчин-магов предпочитало обрести максимально возможную магическую силу, а большинство женщин-магов желало сохранить красоту юности. В этом маги ничем не отличались от обычных смертных существ.

Маг мог по желанию состариться на несколько лет, временно перестав употреблять отвар из грибов, но он не мог с помощью эликсира вернуть свою молодость. Полностью отказавшись от приема отвара, маг мог умереть естественной смертью от старости.

Мне, конечно, еще рано было начинать употребление эликсира, так как мое физическое формирование еще не было завершено, а магический талант только начал развиваться. Сама Браспаста тоже не торопилась заморозить свой возраст. Она говорила мне, что ее физическое тело уже не взрослеет, а стареет, но война с религионерами Центрального Иерархата заставляет ее отказаться от красоты юности и сделать выбор в пользу силы зрелого возраста. Тогда я начинал ее уверять, что ее красота не зависит от возраста, и мы вновь и вновь занимались... Кажется, мои воспоминания переключились на другую тему. Между мной и Браспастой не было любви в самом высоком смысле этого слова. Нам вместе было легко и интересно, нас тянуло друг к другу, потому что рядом не было никого другого, равного нам. Мы были магами по крови, чужими и непонятными для всех, кто нас окружал, даже для самых близких друзей. Впрочем, тетя Вика совершенно не возражала против нашей близости. Должно быть, она считала, что Браспаста скоро начнет принимать эликсир и останется тридцатилетней женщиной, так что я догоню ее, и мы составим прекрасную пару. Тетя Вика по-своему желала добра и счастья мне и Браспасте... Но мы с Браспастой видели счастье в другом: в борьбе и в победе.

Конечно, в мире существовали и другие способы воздействия на организм магов, например, магическое излучение горы Меру. Было и то, что могло нас убить – особый сплав серебра с золотом и с некоторыми редкими металлами. Именно из этого сплава были изготовлены волнистые клинки, которыми пытались меня убить оборотни из Общества Естественного Прогресса. К счастью, для разрушения особого метаболизма магического организма нужно было соблюсти строгую пропорцию веществ в сплаве. Древних клинков, изготовленных самими магами на заре человеческой цивилизации, осталось очень мало, а ученые Изначального Мира пока не сумели воспроизвести точную рецептуру сплава. У ученых было множество приборов, спектрометров и анализаторов, с помощью которых они могли изучить древние клинки и определить их химический состав. Но у ученых не было настоящих магов по крови, на которых они могли бы испытывать новое оружие. Нарушение пропорций в сотые доли процента делало сплав самыми обычными, не смертельными для магов. Именно поэтому напавшие на меня оборотни пользовались древними клинками, а не стреляли смертоносными пулями из такого же сплава...

– Калки, ты готов?!

– Да, тетя Вика!

Я вышел из своего «отсека» в коридор. «Отсеками» назывались маленькие одноместные жилые помещения, располагавшиеся с двух сторон длинного тоннеля. В каждом отсеке имелось спальное место, ниша для личных вещей, водопровод и канализация. Дверей в отсеках не было – от коридора их отделяли занавеси. Все помещения находились глубоко под землей. Вернее, сначала под слоем льда, а потом – под скальными породами. Браспаста говорила, что раньше тут располагалась тайная тюрьма, а отсеки служили тюремными камерами. «Раньше» – это несколько десятков тысячелетий назад, во времена даже не предыдущей, а четырежды предыдущей цивилизации на Дубле. Раньше тюрьма была устроена в системе подземных пещер, а потом цивилизация, построившая ее, полностью погибла подо льдами.

О тайной подземной тюрьме в мире двух планет забыли уже тогда, когда на Земле неандертальцы охотились на мамонтов. Родители Браспасты совершенно случайно обнаружили пещеры с древними развалинами и в течение нескольких десятков лет превратили их в довольно сносные жилые помещения. Родители Браспасты заранее готовили тайные убежища, так как чувствовали приближение войны с религионерами.

По правде сказать, я все еще плохо разбирался в географии, истории, народах и нынешней политике двух связанных друг с другом планет, называемых Дублем. Я знал только, что власть на наиболее пригодной к жизни планете сейчас захватили религионеры. Эта группа магов по крови от имени некоего Единого Бога узурпировала власть в самом большом и влиятельном государстве – Центральном Иерархате, и с его помощью в большей или меньшей степени распространила свое влияние на все страны. Те, кто не желал подчиняться религионерам, были вынуждены бежать на другую планету Дубля – ту, на которой сейчас находились мы. На нашей планете было мало районов, пригодных для жизни людей. Узкая полоска тропических джунглей резко переходила в прохладную лесотундру. А большую часть планеты покрывали ледяные поля и безжизненные горы. Когда-то обе планеты были одинаково теплыми и цветущими, сейчас же жизнь на нашей части Дубля была возможна либо вблизи экватора, либо глубоко подо льдом и под землей, в тепле, создаваемом горячим ядром планеты. Это же ядро обогревало экваториальные области за счет многочисленных вулканов и гейзеров.

Религионерам мало было власти над одной планетой, они готовились к покорению и второй части Дубля. Хотя население на экваторе было малочисленным, религионерам были ненавистны любые формы свободы и независимости. К счастью, широкий проход между планетами открывался только в небольшой промежуток времени один раз в год, во время планетарного схождения. Так что полномасштабное вторжение и покорение другой планеты было делом непростым. К тому же, религионерам противостояли хотя и немногочисленные, но равные им по силам магии по крови, к которым принадлежали Браспаста и ее родители. Война между планетами Дубля считалась неизбежной, но ни одна из сторон не торопилась переходить к решительным действиям. Пока противостояние ограничивалось шпионажем, диверсиями и попытками переманить часть противников на свою сторону. Этим занимались маги с небольшими отрядами опытных бойцов, проникавшие на вражескую территорию через магические двери.

Я еще ни разу не участвовал в стычках с религионерами. Вот и сегодня наша вылазка из тайной базы была направлена не на Дубль, а в Изначальный Мир.

Коридор вывел меня к круглому залу. Тут уже собрались бойцы Корпуса Самообороны – не маги, а самые простые смертные, готовые сражаться за свободу и справедливость на Дубле и в других мирах. Все бойцы отряда были одеты в одинаковую черную форму, защищены бронжилетами и шлемами. Их вооружение состояло из штурмовых пистолетов-пулеметов, винтовок и пистолетов, изготовленных из теллургия в Изначальном мире.

Возглавляла отряд тетя Вика, одетая и вооруженная так же, как и рядовые бойцы. Ее глаза сияли радостью – наконец-то, спустя десять лет, она вновь оказалась в родной стихии.

Мы с Браспастой также были одеты в черную форму без знаков различий. Я знал, что под формой на Браспасте была одета ее любимая гибкая броня из мелких металлических пластин, облегавшая тело, словно вторая кожа. Поэтому бронежилет она не надела.

Кроме готовых к вылазке воинов, в зале собрались провожающие: родственники и друзья. Бойцы тихо разговаривали с ними, обнимались, жали руки. Криков, слез и рыданий не было, как будто люди шли на работу, а не на бой.

Но не только люди жили в подземном убежище. На обеих планетах Дубля обитали еще так называемые «пушистики». Подобно боблинам в Изначальном мире, они представляли собой параллельную людям ветвь разумных существ. Пушистики уступали людям в размерах и походили на человеческих пухленьких мальчиков и девочек, покрытых густой, мягкой шерсткой светло-бурого или кофейного цвета. Одевались они обычно в длинные меховые куртки с капюшонами и широкие штаны, так что иногда непонятно было, где кончается их собственный мех и начинается одежда.

В отличие от боблинов, пушистики были дружелюбными и беззлобными созданиями. Хотя среди них встречались храбрые воины, их небольшое количество являлось тем самым исключением, подтверждающим правило. Пушистики не меньше людей любили свободу, но редко осмеливались самостоятельно отстаивать ее с оружием в руках.

Пушистики лучше, чем люди, переносили мороз, и потому предпочитали селиться в холодных районах, на которые не претендовали люди. Однако в последнее время, расширяя и упрочивая свою власть на Дубле, религиозеры в покоренных государствах жестоко угнетали пушистиков. Некоторые особо рьяные религиозеры вообще отказывали пушистикам в праве считаться разумными существами и относились к ним, как к животным. Поэтому пушистики, пользуясь любым удобным случаем, бежали на нашу планету Дубля. Довольно часто наши маги открывали двери между мирами для того, чтобы провести через них несколько семейных кланов из десятков, а то и сотен пушистиков.

На подземной базе Браспасты пушистиков было немного. Но они, как полноправные члены маленького сообщества, всегда принимали участие во всех важных событиях. Вот и сейчас несколько пушистиков готовились сопроводить наш боевой отряд на поверхность.

– Все готовы? – громко спросила Браспаста, оглядев воинов.

Кивками или короткими возгласами те подтвердили свою готовность.

– Тогда пошли!

Из круглого зала в разные стороны расходились несколько коридоров. Одни вели в жилые, хозяйственные и технические секторы подземного комплекса, другие – в разветвленную сеть необитаемых пещер.

Наш отряд направился в тот коридор, который, как я знал, вел на поверхность планеты. Я уже несколько раз ходил этой дорогой, так как Браспаста строжайше запретила мне открывать магические двери изнутри подземного комплекса. Она боялась, что случайно оказавшийся на той стороне прохода наблюдатель по нескольким кусочкам увиденного через дверь сможет нарисовать ключ-картинку для враждебного мага.

Мы прошли по коридору около сотни метров и оказались на площадке огромного подъемника. Древние механизмы приводились в действие паровыми машинами. Забытые строители подземной тюрьмы направили воды подземных рек в скальные полости возле лавовых потоков. Испарявшийся пар скапливался глубоко под землей в гигантских естественных подземных резервуарах. Оттуда по трубам он распределялся на множество древних машин и механизмов, таких надежных, что они продолжали работать в течение нескольких тысячелетий. Этот же пар служил источником света. Некое газообразное вещество, светившееся при нагревании, заполняло множество прозрачных трубок. С их помощью освещались все подземные помещения. Избытки пара прорывались на поверхность в виде гейзеров и потому не могли выдать вражеским шпионам местонахождение подземной базы.

Повинуясь магическому приказу Браспасты, глубоко под землей открылась заслонка, и пар из резервуара привел в действие механизм подъемника. Пятнадцать бойцов, тетя Вика, Браспаста, я и несколько сопровождавших нас пушистиков начали быстро подниматься наверх. Движение было таким плавным, что казалось, будто мы стоим на месте, а мимо нас сверху вниз проползают гладкие, идеально обработанные стены вертикального тоннеля.

Когда площадка поравнялась с полом огромной пещеры, подъем прекратился. Пещера не имела естественных или искусственных источников освещения, так что обычные смертные не могли по достоинству оценить ее размеры. На это были способны только я и Браспаста. В отличие от нижних уровней подземного комплекса, пещера не была обработана и приведена к «жилому» виду. Наоборот, она должна была казаться естественным природным творением и скрывать вход под землю.

– Свет! – коротко приказала Браспаста.

Вокруг нашего отряда разлилось магическое свечение, позволявшее воинам видеть дорогу.

– Пора одеться!

Сопровождавшие нас пушистики быстро достали из мешков теплую одежду. Широкие шубы с капюшонами можно было надевать даже поверх боевой экипировки бойцов.

– Пошли!

Следом за Браспастой мы направились к выходу из пещеры. Тысячелетия назад мы оказались бы на поверхности планеты, но сейчас нам еще предстояло преодолеть наклонный тоннель длиной примерно в километр, вырубленный в толще льда.

Вообще из подземной базы на поверхность планеты вели несколько путей. Мы воспользовались самым легким – через древний подъемник. Существовали еще длинные узкие винтообразные пешие дороги и вертикальные шахты, которыми простые смертные не пользовались. Мы, маги, могли взлететь по вертикальной шахте наверх или спуститься вниз за считанные минуты, но переправка целого отряда отняла бы у нас время и силы.

Наш отряд молча шагал по наклонному полу ледяного тоннеля. Никто не разговаривал, так как в тоннеле было очень холодно. Мороз обжигал щеки, и я плотнее натягивал и запахивал капюшон. Несмотря на то, что мы шли быстро и энергично, холод все равно норовил проникнуть под шубу и слои одежды.

Наконец, далеко впереди показалось маленькое светлое пятнышко. Браспаста тотчас же убрала магический свет, и следующие несколько десятков метров мы прошли в полумраке. Затем пятно увеличилось настолько, что его свет вполне мог бы заменить полуденное солнце. Еще несколько шагов, и мы остановились перед выходом на поверхность. Прямо перед нами на расстоянии двух шагов находилась ледяная стена. Дело в том, что тоннель из пещеры вел к трещине в леднике, которая прекрасно маскировала входное отверстие, не позволяя его заметить ни с поверхности равнины, ни сверху.

Браспаста первой вышла наружу и махнула рукой, показывая, что опасности нет. Мы по очереди выбрались в расщелину и вереницей зашагали между ее стенами. Пройдя пару сотен шагов, мы наконец-то ступили на ровную ледяную поверхность. Здесь было еще холоднее, чем в тоннеле, так как к морозу прибавился ветер. Чтобы смертные не простудились и не обморозились, действовать надо было быстро.

Браспаста жестом указала людям и пушистикам место, где они должны были встать. Затем она открыла магическую дверь так, чтобы любой наблюдатель с той стороны видел бы только гладкую равнину. Я вместе с воинами находился сбоку от двери и не мог видеть, куда она ведет. Однако я, как и все участники операции, хорошо знал, куда мы отправляемся и что собираемся сделать.

– Проходите! Скорее! – коротко скомандовала Браспаста.

Тетя Вика сбросила шубу и первая вошла в дверь. Другие бойцы быстро последовали за ней. Я шел предпоследним. Я тоже скинул шубу в общую кучу, сделал несколько шагов и оказался по ту сторону двери раньше, чем почувствовал на своем лице обжигающе-ледяное дыхание морозной пустыни. Браспаста вошла в дверь следом за мной. Магический проход исчез сразу же, как только через него прошел создавший его маг.

Первая часть операции была завершена – мы находились в Изначальном мире.

* * *

Я знал, что сейчас те пушистики, которые сопровождали нас до ледяной равнины, собирают наши шубы и уносят их обратно на подземную базу. А для нас, прибывших в Изначальный мир, только начинался главный этап боевой операции.

Браспаста открыла дверь именно туда, куда и было запланировано: мы оказались на старом заброшенном заводе в Империке, в нескольких десятках миль от научно-военной базы Общества Естественного Прогресса. Ближе высаживаться было опасно. Мы не знали, какие приборы и устройства изобретены учеными, занимавшимися исследованиями магии. Собственно, получение этих сведений и составляло одну из задач нашей операции. Но главным, конечно, являлось возвращение альбома с ключами-картинками его законному владельцу – то есть мне.

Все попытки какими-либо другими способами добыть нужную информацию или выкрасть альбом не увенчались успехом. Чудом можно было считать уже то, что нам вообще удалось во всем Изначальном мире отыскать следы моего альбома.

Что бы ни говорил мне Савелий Савельевич Савельев во время памятной беседы два месяца назад о добровольном международном сообществе ученых и исследователей, желающих счастья для всего человечества, на самом деле мы имели дело с глубоко законспирированной и тщательно хранящей свои секреты организацией. Многие люди, боблины и оборотни так или иначе работали на нее, но даже не догадывались о ее существовании. Под вывесками правительственных научных институтов, в лабораториях крупных корпораций, по грантам международных благотворительных фондов велись самые разнообразные исследования, от узких прикладных специализированных задач до глобальных теоретических разработок. Как ручейки и реки, все они вливались в общий океан информации. И только немногие избранные ученые, прошедшие проверку и принятые в некий высший клан, в тайных лабораториях вели особо важные, целенаправленные исследования тех вещей и явлений, которые отрицала официальная наука Изначального мира.

Итак, мы находились в десятках миль от цели операции. Вопрос быстрой и скрытной транспортировки нашего отряда до базы был решен заранее. На старом заводе нас поджидал большой школьный автобус ярко-желтого цвета, стандартный для Империки и прекрасно знакомый каждому ее жителю.

Наш отряд быстро занял места в автобусе: тетя Вика села за руль, мы с Браспастой сели на переднее сидение, а воины разместились на полу между рядами, так, чтобы их голов не было видно. Мы не собирались использовать магию для создания маскирующей иллюзии раньше времени. Автобус, в котором находились водитель и два пассажира, вряд ли вызвал бы опасения у дорожных полицейских. И только в случае проверки транспорта мы с Браспастой должны были бы создать майю, отводящую глаза полицейским.

Между нашим появлением в Изначальном мире и выездом автобуса со двора заброшенного завода прошло менее пяти минут. Для воинов наступил период бездействия. Они о чем-то тихо переговаривались между собой, но я намеренно не использовал свои магических чувств, чтобы расслышать их слова.

Я так до сих пор не мог понять, что заставляло простых смертных жителей Дубля сражаться и рисковать жизнями в войнах магов. Маги-религионеры опирались на придуманное ими самими учение о Едином Боге, которому обязаны подчиняться все люди. За неповиновение предусматривалось единственное наказание – смерть. То есть религионеры управляли, как и все правители, с помощью лжи и насилия.

Но почему люди Дубля подчинялись независимым магам вроде Браспасты? Она никого не принуждала жить в подземном убежище. Любой волен был покинуть ряды борцов за свободу и вернуться к мирной жизни в экваториальных областях планеты. В конце концов, даже если бы рано или поздно обе планеты Дубля полностью подчинились власти религионеров, жизнь простых смертных изменилась бы ненамного. Они точно так же работали бы, создавали семьи, растили детей. Единственное, что от них требовалось бы – это безоговорочное повиновение религионерам и выполнение несложных обрядов, демонстрирующих лояльность правителям. Да, они бы жили в лживом обществе. Но ведь ЖИЛИ!

Однако почему-то простые смертные добровольно вступали в отряды магов, сражавшихся с религионерами. Они обязывались выполнять все приказы магов, зная, что им не будет пощады в бою от врагов или в случае предательства – от своих товарищей. Они готовы были умереть ради абстрактного и расплывчатого понятия, которое называли «свобода». Ради общей свободы они отказывались от свободы личной. Например, никто из них не роптал и не возмущался, когда Браспаста объявила о вылазке в чужой мир. Какое дело было жителям Дубля до проблем Изначального мира и до меня, невесть откуда явившегося мальчишки? И, тем не менее, они сейчас ехали в школьном автобусе, чтобы вступить в бой с империканскими солдатами.

Наверное, думал я, абстрактное желание быть свободным зависит не только от крови магов. Например, маги-религионеры отчасти сами стали рабами своего учения. А простые смертные готовы были сражаться за свободу с любыми врагами. И все равно я не мог их понять. Ведь их «свобода» ограничивалась короткой жизнью и небольшими возможностями, тогда как моя «свобода» подразумевала почти бессмертие и вероятность воплощения в жизнь практически любых желаний. То есть у меня было намного больше причин бороться за свою «свободу», чем у смертных – за свою. А рисковали своими жизнями они больше, чем я или Браспаста.

Что же заставляло смертных существ идти в бой? Чем для них была свобода, за которую они могли отдать жизни? И кем для них были мы, маги: соратниками, военачальниками или потенциальными хозяевами, ставшими лишь временными попутчиками на пути к освобождению?

* * *

Военная база находилась в пустынной, засушливой местности, вдали от крупных населенных пунктов Империки. Дорога, по которой ехал наш автобус, пролегла между низкими каменистыми холмами с редкими кактусами и колючими кустами. Здесь не возделывали поля и не пасли скот. Раньше в пустыне открытым способом добывали теллургиевую руду, но потом из-за низкой эффективности разработки забросили. Остатки было промышленной деятельности – карьеры и заброшенные здания (в том числе и завод, в котором мы высадились) – изредка виднелись по обеим сторонам дороги.

Через некоторое время впереди показался полицейский дорожный пост. Он был построен возле боковой дороги, отходившей от главной и ведущей в сторону нужной нам военной базы. Я не был возле поста ни разу, а тетя Вика и Браспаста под видом путешествующих на легкой машине подружек, проезжали мимо него по главной дороге три дня назад. Ближе к базе они приближаться не рискнули, так как, для того, чтобы свернуть на боковую дорогу,

требовалось бы магически воздействовать на полицейников, а такое вмешательство в их психику могло не остаться незамеченным.

Полицейский пост представлял собой приземистое бетонное строение с плоской крышей, способной служить в качестве наблюдательной площадки. Пост был выстроен еще во времена добычи теллурия и с тех пор внешне практически не изменился. Однако внутри он был оборудован самыми современными системами наблюдения, связи и даже кондиционирования, что позволяло полицейникам нести свою службу эффективно и с комфортом.

Полицейники, несомненно, еще издавна заметили наш автобус. Их было четверо – и все боблины. Вряд ли дорожным полицейникам было известно об истинном назначении объекта, дорогу на который они охраняли. Скорее всего, для них это была обычная военная база, куда не следовало допускать посторонних. Полицейники просто не позволяли сворачивать на боковую дорогу машинам без специальных пропусков. Когда мы приблизились, один из них неторопливо вышел на дорогу и поднял свой жезл.

Тетя Вика плавно остановила автобус возле полицейника.

Полицейник, не подозревая, что вместе с тремя своими сослуживцами уже находится в созданной мной майе, бросил быстрый взгляд на любопытные детские рожицы, прилипшие к стеклам автобуса, и подошел к дверце водителя.

– Здравствуйте, мэм! Откуда вы и куда направляетесь?

Тете Вике не надо было отвечать, ведь на самом деле полицейник продолжал стоять на обочине дороги, и весь диалог происходил в моей майе и в его сознании. Для придания реальности своей майе я воспользовался существующими названиями, заранее разведанными Браспастой и тетей Викторией:

– Я везу болбольную команду из Дауншитского школы на матч в Шитдаун. А в чем дело, господин полицейник? Что-то случилось на дороге?

– Нет, мэм, просто стандартная процедура проверки. Вам повезло, что я вас остановил, ведь вы едете не по той дороге. Шитдаун расположен в тридцати милях ближе к побережью. Чтобы попасть в него, вам надо свернуть на первом же перекрестке направо.

– О, благодарю вас, господин полицейник! Я первый раз еду по этой пустыне и ориентируюсь только по карте. Тут столько старых дорог, что немудрено запутаться. А ваш пост как будто специально устроен, чтобы указывать дорогу заблудившимся!

– Мы всего лишь выполняем свою работу, мэм! – польщенный полицейник улыбнулся. – Можете ехать, счастливого пути!

Автобус тронулся с места... и свернул на боковую дорогу. В то же время четверо полицейников видели его удаляющимся по главной трассе. Пока я поддерживал для них майю, Браспаста размагнитила аудио– и видеопленки, на которых, согласно инструкции, полицейники зафиксировали состоявшийся разговор. К сожалению, мы не могли сформировать на записывающих устройствах качественную визуальную и звуковую иллюзию. Мы умели влиять на сознание живых существ, на неодушевленные предметы и на поля, однако, чем сложнее было вмешательство в природные процессы, тем больше требовалось времени и сил, и тем больше нарушался закон вероятности событий. Размагничивание пленок было более естественным, чем запись на них несуществующих событий. И во время расследования нападения на военную базу единственным свидетельством нашего проезда мимо поста стали бы показания полицейников.

Дорога, на которую мы свернули, была такой же прямой, как и основная. Я подумал, что состояние дорог отчасти отражало национальный характер жителей разных стран. Прямые, ровные трассы свидетельствовали о тяге к порядку и стабильности, но в то же время о черствости души, односторонности и ограниченности интеллекта. Извилистые дороги говорили о нестабильности взглядов и устоев. От людей, проложивших извилистые дороги, можно было ожидать и радушного гостеприимства, и ножа в спину... причем от одних и тех же людей. Ухо-

женные дороги с твердым покрытием говорили о педантичности и законопослушности. Плохие, разбитые дороги – о лени и безразличии...

А какие дороги я бы хотел видеть в стране, правителем которой мог бы стать? Наверное, я бы вообще отказался от дорог. Дороги вспарывают землю и природу, как ножи – живое тело. Магические двери и полеты в воздухе – вот лучший способ перемещения с места на место. Тут я поймал себя на мысли, что идеальная с моей точки зрения страна должна состоять всего из одного жителя – меня. Ведь простые существа, не маги, не способны передвигаться подобно мне. А им тоже хочется путешествовать и перевозить грузы. Значит, став правителем над народом, я бы превратился в тирана, ради сохранения природы запрещающего и уничтожающего достижения цивилизации, которые облегчают жизнь простым смертным?...

– А вот и база, – тихо произнесла Браспаста.

На самом деле, самой базы мы пока не видели. Нашим глазам предстал лишь изгибающийся по холмам и низинам забор из трех рядов колючей проволоки. Магическое чувство подсказало мне, что к проволочному забору подключены многочисленные датчики. Ни одно существо не смогло бы незамеченным пересечь границу охраняемой территории. Легально попасть на территорию базы можно было только через контрольно-пропускной пункт на дороге. Этот пункт в точности повторял архитектуру полицейского поста на главной трассе, только службу здесь несли военные, а дорогу перегораживали металлические раздвижные ворота.

Три вооруженных автоматами военных – два боблина и один человек – с удивлением наблюдали за приближением автобуса, набитого детьми. Полицейские на дороге предупредили охрану базы о любом направлявшемся к базе транспорте, так что внезапное появление школьного автобуса нарушало давно заведенный порядок. А любое нарушение установленного должностными инструкциями порядка повергало империканцев в состояние растерянности и ступора... Тем легче мне было погрузить их в майю.

Один боблин остался в здании, двое других охранников вышли нам навстречу. Разумеется, все это происходило в майе, тогда как в действительности все трое продолжали неподвижно сидеть вокруг стола с игральными картами в руках.

Автобус остановился в десятке метров от ворот. Действуя по инструкции, двое охранников, держа автоматы наизготовку, обошли автобус с двух сторон.

– Заглушите двигатель и откройте дверь! – приказал тот, что остановился возле входной двери.

Тетя Вика в майе в точности выполнила команду охранника. Он медленно и настороженно вошел в автобус, внимательно оглядел притихших детей.

– Что вы делаете, офицер?! – недовольно спросила тетя Вика. – Уберите оружие! Это ведь дети! Вы их пугаете!

– Как вы оказались на этой дороге? – строгим тоном произнес охранник, но автомат опустил. – Куда вы едете?

– Мы едем в Шитдаун. Полицейские дорожной службы сказали мне, что эта дорога более короткая.

– Они что, с ума сошли?! – вскрикнул военный. – Шитдаун находится в другой стороне. Они не могли указать вам эту дорогу!

– Тогда как же мы тут оказались? – с вызовом спросила тетя Вика. – Послушайте, офицер, может быть, я не очень хорошо знаю эту местность, но это не повод, чтобы надо мной шутить! Мы выехали рано утром и уже полдня колесим по этой проклятой пустыне. Дети устали. Может быть, ваши друзья-полицейские решили, что это очень удачная шутка – отправить нас к вам и этим немного развлечься? Вам, должно быть, скучно нести свою необременительную службу посреди пустыни, и потому вы забавляетесь в меру своего скромного интеллекта и извращенного чувства юмора?!

Охранник открыл было рот, чтобы ответить, но тетя Вика (а точнее, ее изображение в моей майе) не предоставила ему такой возможности:

– Или вы, офицер, и ваши друзья-полицейские с предубеждением относитесь к женщинам водителям? Вам доставляет удовольствие издеваться над нами? К счастью, у нас, женщин, есть отличный способ поставить на место вас, мужчин-шовинистов! Завтра же я пришлю сюда своих адвокатов и сообщу об этом вопиющем случае во все средства массовой информации!

К концу эмоционального монолога типичной империканки охранник совсем скис и утратил свою значительность. Даже ствол его автомата как будто загнулся вниз.

– Простите, мэ, наверное, произошло какое-то недоразумение... – промямлил военный. – Примите мои извинения. Гарантирую, что обо всем произошедшем я напишу рапорт, и начальство накажет виновных. Разворачивайтесь и поезжайте назад. Мы немедленно свяжемся с полицейскими и урегулируем все вопросы. Гарантирую, что они лично проводят вас до нужного вам места назначения.

– Я очень надеюсь, что ваши слова не окажутся очередной шуткой! Иначе я ВАМ ГАРАНТИРУЮ большие проблемы!

– Все будет хорошо, мэ. Еще раз примите мои извинения за это досадное недоразумение! Счастливого пути! До свиданья, дети!

Дети в майе нестройным хором ответили:

– До свидания, господин офицер!

Военный вышел из автобуса. Двери закрылись, и длинный автомобиль медленно развернулся, сделав большой круг перед воротами базы.

Пока я развлекался созданной майей, Браспаста отключила систему сигнализации и открыла ворота. В реальном мире автобус проехал между створками и направился вглубь базы. Ворота закрылись. Я вывел охранников из майи тогда, когда наш автобус скрылся из их вида. При этом они были абсолютно уверены, что мы поехали назад, к главной дороге. Теперь охранники могли сколько угодно выяснять отношения с полицейскими, нас они больше не интересовали.

Обнесенная забором территория военной базы была такой огромной, что мы проехали не меньше мили, прежде чем увидели первые следы пребывания людей: прямо между холмами были проложены широкие и длинные взлетно-посадочные полосы. Должно быть, они предназначались для тяжелых военно-транспортных самолетов.

За взлетно-посадочными полосами располагались рулевые дорожки и огромные ангары. В открытых дверях виднелись самолеты, возле них копошились люди в форме военно-воздушных сил Империи.

Наш автобус проехал мимо ангаров. То ли их выстроили только для маскировки основной деятельности базы, то ли самолеты на самом деле использовались для транспортировки пассажиров, грузов и проведения экспериментов. В любом случае самолеты нас не интересовали. На нас никто не обратил внимания. Должно быть, военные полагали, что если школьный автобус находится на территории базы, то у него есть на это право.

Обогнув ангары, наш автобус направился к главной цели операции – к приземистым бетонным зданиям с узкими окнами, похожими на смотровые щели. Это была надземная, видимая часть научного комплекса. Основные лаборатории были спрятаны глубоко под землей. И нам каким-то образом предстояло в них проникнуть. У нас не было ни чертежей лабораторий, ни четкого плана нападения. Мы полагались только на магию и на опыт бойцов, полученный в схватках с религиозными на Дубле.

Тетя Вика подрулила прямо к главному корпусу и остановилась на парковке среди легковых машин и армейских грузовиков. Множество людей, работавших на базе, конечно, видели наше прибытие, но, как и техники возле самолетов, не придали ему значения. У империканцев имелось очень полезное для нас качество – они занимались только своей работой и не вмешивались

вались в дела сотрудников других служб и отделов. Так что мне и Браспасте нужно было лишь держать под контролем вооруженных охранников.

Двери автобуса открылись, и наш отряд вышел на открытое пространство автомобильной парковки. Мы решительно направились к центральному входу. Охранники нас не видели, а прочие сотрудники даже не смотрели на людей в империканской форме и с империканским оружием. Такие отряды на территории базы не были редкостью.

Пройдя просторное фойе, Браспаста, в соответствии с нашим планом, сказала:

– Теперь разделимся!

Отряд разделился на две группы: одну возглавила Браспаста, другую – я и тетя Вика. Мы двинулись в разные стороны, не прерывая магической связи друг с другом.

Сила магии давала мне возможность значительно сократить время поиска нужной информации и моего альбома. Мне просто достаточно было идти по коридору, чтобы осматривать комнаты по обеим сторонам, даже если двери в них были закрыты.

Верхние этажи принадлежали военным чиновникам, большинство из которых даже не знало о том, какие работы ведутся на нижних этажах. Поэтому я повел свой отряд вниз, в подземные лаборатории. Полагаясь на чутье и интуицию, я сворачивал из одного коридора в другой, опускался вниз то по лестницам, то на лифтах. Здесь сотрудников базы было значительно меньше, чем наверху. Они носили белые и светло-синие халаты, а не империканскую военную форму. Сюда допускались только избранные, но даже и они не всегда знали об истинном назначении своих научных исследований.

Моя группа уверенно продвигалась к святой святых базы – к тем лабораториям, которые непосредственно изучали сверхъестественные явления или создавали приборы для их исследований.

Внезапно я ощутил радость узнавания.

– Здесь! – указал я на запертую дверь.

Повинуясь моему магическому приказу, замок открылся. Бойцы быстро вбежали внутрь, поводя стволами оружия из стороны в сторону. В помещении не было ни единого живого существа – только множество предметов, разложенных в шкафах и на стеллажах. На каждой ячейке была наклеена бирка с инвентарным номером. Среди множества предметов я увидел свой рюкзак с обрезанными лямками и свои вещи, вытащенные из рюкзака и разложенные отдельно по ячейкам. Именно этот рюкзак с меня сорвали оборотни в Тассисудуне в доме Отшельника. Тетя Вика сама складывала вещи в рюкзак, когда отправляла меня в Детский мир, поэтому ей хватило одного взгляда, чтобы узнать наше имущество.

– Альбома тут нет, – разочарованно сказал я.

– Он, наверняка, где-то рядом, – подбодрила меня тетя Вика. – Пошли дальше, не будем терять время на старое барахло!

Мы вновь вышли в коридор и продолжили осмотр подземных уровней базы. Запертые двери, защищенные магнитными замками, легко поддавались моей силе. Замыкания контактов, перегорания тончайших проводков, перегрев микросхем были вполне вероятны, так что я почти не нарушал законов естественной вероятности. Созданный наукой мир высоких сложных технологий оказывался довольно уязвимым для магов. Может быть, именно поэтому нас так боялись существа, именовавшие себя «учеными»?

В моем сознании раздался голос Браспасты:

– Калки, у меня плохая новость: наше проникновение обнаружено. Должно быть, тут были готовы к визиту магов. Для нашего преследования и перехвата высланы группы, которые ориентируются по показаниям следящих видеокамер. У них глухие шлемы с экранами, а координаторы находятся вне досягаемости. Готовься к встрече!

Действительно, все коридоры и комнаты надземной и подземной частей военной базы были усеяны следящими камерами. Как не были велики наши магические силы, всемогущими

богами мы не являлись и создать иллюзорное изображение для всех камер не могли. Об этом, по-видимому, знали и наши противники. К счастью, они не догадывались о том, что, приблизившись к магам, солдаты попадали бы во власть майи, заменяющей изображения на экранах в шлемах.

Браспаста снова вышла а связь:

– Калки, не будем рисковать! Переходим к завершающему этапу!

Я возразил:

– Мы только что добрались до самого интересного! Я уже нашел свои вещи, только вот альбома среди них нет. Но он должен быть рядом. Мне нужно еще двадцать минут.

В этот момент зазвучала сирена, а сигнальные лампы на потолке в коридоре замигали ярким цветом.

– Вот видишь, Калки, они включили общую тревогу! Я иду к тебе!

Завершающим этапом операции считалась встреча наших отрядов и эвакуация на Дубль через магическую дверь. Вообще-то, наши группы могли по отдельности вернуться домой, но к такому варианту мы решили прибегнуть только в самом крайнем случае.

Если Браспаста со своей группой двигалась к нам, то и мне следовало бы направиться к ней навстречу. Однако я продолжал вести свой отряд в прежнем направлении. Нам навстречу по коридорам бежали ученые, согнанные тревогой с рабочих мест. Завидев нас, они забегали в двери и запирали их за собой, либо просто вжимались в стены. Должно быть, в общей неразберихе они не могли понять, являемся ли мы нападающими или защитниками базы.

Не прошло и нескольких минут, как я почувствовал приближение отряда вооруженных людей и боблинов. Это была не группа Браспасты. По моему сигналу бойцы и тетя Вика остановились у стены. Для преследователей я создал такую майю, которая показала им наше местонахождение в двадцати метрах позади.

Почти сразу же охранники базы открыли шквальный огонь по нашим иллюзорным фигурам. Коридор заволкло пылью от сбитой со стен штукатурки. Мои бойцы бросили назад пару дымовых шашек, чтобы окончательно сбить преследователей с толка.

Тетя Вика сказала:

– Похоже, брать нас в плен никто не собирается.

– Да, – согласился я. – Мы имеем дело с солдатами истребителей магов.

– Они быстро поймут, что их обманули, и в следующий раз не поддадутся на иллюзию.

– Еще пару раз это должно сработать, – возразил я. – А больше нам и не надо, я чувствую, что мы добрались до самого важного.

– Ты нашел альбом?

– Пока нет, но в следующей комнате я ощущаю мощную магию.

– Нам туда! – указала тетя Вика бойцам на открытую мною дверь.

Ученые покинули это помещение, а истребители магов все еще топтались на месте, так что мы могли без помех осмотреть комнату. В ней не было почти никакой научной аппаратуры за исключением нескольких мощных микроскопов. В открытом шкафу я увидел герметичные стеклянные колбы, в которых хранились драгоценные камни и ювелирные изделия. Несколько камней и украшений были второпях оставлены на столах. От некоторых драгоценностей исходила мощная магическая сила непонятной мне природы, но большинство не обладало никакими особыми качествами.

– Мы берем с собой вот это, это и вон то! – скомандовал я.

Указанные предметы немедленно были собраны бойцами и убраны в рюкзаки.

Я убедился, что собраны все ценные трофеи и приказал:

– Идем дальше!

Пока я переносил свое внимание на драгоценности, ослаб мой контроль над истребителями магов. Кроме того, видеокамеры в комнате, наверняка, сообщили далеким наблюда-

телям о нашем истинном местонахождении, и они не замедлили сообщить об этом боевому отряду. Мне пришлось срочно создавать новую майю, чтобы моя группа при выходе в коридор не попала под обстрел.

Браспаста снова позвала меня:

– Калки, где ты? Почему не идешь на встречу?

– Я обманул иллюзией истребителей магов. Тут что-то вроде склада. Я нашел несколько драгоценностей, вроде это какие-то амулеты. Я не знаю, откуда они и для чего нужны, поэтому собираю все. Нельзя оставлять это врагам для изучения. Еще пара комнат, и мы уходим.

Немного помедлив, Браспаста сказала:

– Ладно, оставайся на месте, я сама иду к тебе. И поторопись, враги со всех сторон!

Пули истребителей магов шелкали по стенам все ближе и ближе к нам. Мне было тяжело поддерживать майю для врагов и одновременно тратить магические силы на осмотр комнат. Поэтому одним усилием я открыл все двери в коридоре и скомандовал:

– Собирайте все ценное, я пока придержу врагов.

Бойцы Браспасты были заранее проинструктированы, что считать ценным, а что – нет. Кроме того, с детства зная о магии и общаясь с магами, они имели достаточно хорошее представление о важности тех или иных предметов. Бойцы рассыпались по комнатам, быстро собирая в рюкзаки древние книги и свитки, холодное оружие, резные деревянные и каменные изображения, металлические и стеклянные изделия необычной формы и все прочее, что могло принадлежать магам древности.

Я почувствовал, как в одном из рюкзаков очутился и мой альбом. От радости я едва не потерял контроль над истребителями магов, однако, когда выбитая пулей штукатурка ударила меня в грудь, чувство самосохранения взяло вверх, и я восстановил реалистичную майю.

Когда бойцы с трофеями показались в коридоре, я сказал:

– Зайдите в эту комнату!

Сам я встал в раскрытой двери и показал истребителям магов, будто наша группа спешно отступает вглубь коридора. Солдаты, не переставая вести огонь, двинулись вдоль стен. Они прошли мимо нас так близко, что я не магическим, а самым обычным слухом слышал голос координатора из наушников, который кричал:

– Куда вы идете, проклятые болваны?! Противник у вас под носом, в комнате направо! Вы что, ослепли или сошли с ума?!

К сожалению, координатор находился где-то далеко, вне досягаемости моего внушения. Он видел реальное положение обоих отрядов в коридоре и правильно направлял своих подчиненных. Я не мог повлиять на координатора и на его команды, раздававшиеся в наушниках солдат, но в моей майе до ушей солдат доходили совсем другие приказания:

– Что вы медлите, проклятые болваны?! Противник бежит от вас, а вы не можете его догнать! Вы что – трусы? Вы боитесь вступить в плотный огневой контакт с противником? А ну, живо все вперед!

Таким образом, мы пропустили истребителей магов мимо себя, а сами направились назад, на встречу со второй группой. Обмениваясь мысленными посланиями с Браспастой, я быстро вел бойцов по лабиринту коридоров и этажей. Вскоре впереди мы услышали выстрелы. Это группа Браспасты, преследуемая истребителями магов, двигалась нам навстречу.

В то же время позади нас снова появился тот отряд, который мы пропустили мимо себя. Когда он вышел из зоны моего внушения, и действие майи прекратилось, координатор наконец-то смог восстановить управление солдатами. Теперь наши преследователи использовали другую тактику: они веером обстреливали коридор перед собой, чтобы никто не мог спрятаться в иллюзии.

– Поторопись, Калки! – позвала Браспаста. – Я уже подготовила площадку для отхода.

Я знал, что означают эти слова. Группа Браспасты уничтожила все видеокамеры и контрольные датчики, чтобы никто не мог увидеть или иными способами определить место, куда открылась бы магическая дверь.

Еще несколько шагов, и наши группы воссоединились. Воины Браспасты были нагружены тяжеленными пачками бумаг, трое даже несли с собой компьютеры Изначального мира с круглыми экранами.

– Я открываю дверь! – объявила Браспаста. – Приготовьтесь!

В то же мгновение прямо на стене коридора возникло прямоугольное отверстие. В нем виднелась каменная пещера. Изображение было мне знакомо: Браспаста еще при первом знакомстве дала мне ключ-картинку для входа в ее подземное убежище. К сожалению, открыть дверь в нужном месте однообразной ледяной пустыни не могли ни Браспаста, ни я. Поэтому каждый раз при возвращении приходилось принимать строжайшие меры безопасности и убеждать, что ни один сторонний наблюдатель не заглянет в дверь.

Воины нашего отряда со своим грузом быстро прошли через дверь, за ними последовала тетя Вика. С обеих сторон коридора наступали истребители магов, ведущие сплошной огонь. Когда мы с Браспастой исчезнем за дверью, оба отряда сойдутся в коридоре, лишенном видеокамер, и неизвестно, сколько времени потребуется координаторам на то, чтобы разобраться в ситуации.

– Истребители магов, наверняка, перестреляют друг друга, – заметил я.

– Туда им и дорога, – отозвалась Браспаста и кинула в обе стороны по дымовой шашке.

Я вошел в дверь и оказался в пещере вместе с остальными бойцами отряда. Браспаста появилась сразу же следом за мной. А в Изначальном мире, в подземном коридоре империканской военно-научной базы, два отряда истребителей магов продолжали двигаться навстречу друг другу, пребывая в уверенности, что перед ними мы – их враги...

* * *

Во время спуска на подъемнике, Браспаста быстро осмотрела трофеи, захваченные моей группой:

– Это, и правда, какие-то древние амулеты. В старину маги создавали такие вещицы, чтобы концентрировать свою силу, или чтобы передоверять ее частицы своим помощникам. Трудно будет разобраться, для чего предназначались и как использовались эти амулеты.

Я высказал свое мнение:

– Мне кажется, что эти научные лаборатории специализировались на изучении древних предметов, которые так или иначе были связаны с магией. Вместе с настоящими амулетами истребители магов собрали массу обычных драгоценностей и прочих древних вещей. Наверное, они не знали, что из них на самом деле заряжено магией, а что – нет.

Браспаста согласилась:

– Я тоже подумала, что империканцы просто тащили в эти лаборатории все, что подозревали в связях с магией. Вот и твои вещи привезли именно туда. В той части базы, которую мы осматривали, было много самого разного научного оборудования: спектрометров, микроскопов, химических анализаторов.

Браспаста указала на груз, который тащили воины:

– Мы захватили множество записей на бумаге и в компьютерах. Мы посмотрим, как империканцы с помощью своей науки пытались отыскать магию, и как далеко они продвинулись в своих поисках. В любом случае, мы не зря навели эту базу.

– Да, не зря! – я крепко прижал к себе свой вновь обретенный альбом с ключами-картинками.

Глава 2. Сон в священной роще.

После удачно проведенной операции мы позволили себе хорошенько отдохнуть. После напряжения всех своих магических сил я спал половину суток Дубля, что по земному времени составило около шестнадцати часов. Проснувшись, я первым делом начал перелистывать альбом.

В детстве я иногда рассматривал картинки, не зная их истинного предназначения, и потому не стараясь запомнить. Потом альбом был убран в шкаф, и лишь недавно вновь появился в моей жизни, полностью ее перевернув. Я невольно задержался на картинке с садом камней. Именно с нее началось мое постижение и использование собственных магических сил.

В конец альбома на свободные места я вставил новые картинки: ключ на остров Маркандеи, изображавший древнее каменное изваяние в кольце плит; целый и разрушенный дома Наула Назеля; огромное дерево в Мире Магии; вход в подземную базу Браспасты; изображение двухэтажного загородного дома с кирпичным первым этажом и деревянным – вторым; светлую комнату с простой деревянной кроватью, старинным резным комодом и трёхстворчатым шкафом. Последние две картинки нарисовала тетя Вика. Такими она запомнила дом моих родителей и комнату на втором этаже до нападения истребителей магов. С помощью этих картинок я собирался вернуться назад во времени. Не сейчас. Когда буду к этому готов.

Мое внимание привлекла картинка, располагавшаяся в альбоме последней, после которой я начал вставлять свои ключи. На картинке был изображен то ли сквер, то ли маленький парк какого-то южного города. Мощеные камнями дорожки, несколько скамеек, клумбы с цветами, деревья – все они показались мне смутно знакомыми. Может быть, я бывал в этом месте в самом раннем детстве вместе с родителями? Я внимательнее пригляделся к изображению и понял, что деревья в парке очень старые, и посажены они ровным полукругом. Я готов был поспорить, что полный круг деревьев замыкается вокруг того места, с которого была нарисована картинка. Что-то тянуло меня в этот парк. Я едва удержался от немедленного открытия магической двери.

Я послал мысленный вызов:

– Браспаста, ты уже проснулась?

– Проснулась и давно работаю! – быстро отозвалась она. – Я разбираю наш улов.

Я взял альбом и отправился в те помещения базы, которые были превращены в склады и лаборатории. Здесь, действительно, уже кипела работа. За большим столом сидела Браспаста и рассматривала разложенные в каком-то одой ей ведомом порядке собранные трофеи. На другом столе наши техники пытались запустить империканские компьютеры. Однако техника из другого мира, похоже, на Дубле не работала. Рядом со столами прямо на полу лежали кипы бумаг с записями ученых, но разбирать их было пока некому. Жители Дубля не знали империканского языка. Возможно, Браспаста рассчитывала, что этим делом займусь я. Однако у меня не было ни малейшего желания возиться с бумагами.

Когда я подошел к столу, Браспаста подняла на меня глаза и пожаловалась:

– С амулетами у меня ничего не получается. В них осталась какая-то рассеянная древняя магия, но я не знаю, как ее концентрировать и использовать.

Я предложил:

– Брось ты эти древние игрушки! Мы прекрасно обходились и дальше можем обходиться без них. Главное, что они не остались в руках истребителей магов.

– Ну, может быть, амулеты гораздо ценнее, чем кажутся. Надо только разобраться, как они действуют. Для этого я позвала родителей. Они обещали скоро появиться и помочь нам изучить амулеты.

Родители Браспасты жили в экваториальной области планеты. Там же поселились дракон Иплогтегр со своим выводком и боблин Отшельник, в силу возраста и своих пацифистских взглядов не пожелавший присоединиться к обитателям подземной базы Браспасты. Драконы постепенно обживались на новом месте, учились черпать магию из природы, а не получать ее из единого источника горы Меру. Я время от времени связывался с драконами и Отшельником при помощи магии и неоднократно собирался навестить их, но каждый раз более важные дела заставляли откладывать визит.

С родителями Браспасты я встречался всего один раз, и эта встреча почему-то оставила у меня не совсем приятные впечатления. Не то чтобы ее родители со мной невежливо обошлись, как раз наоборот: они были такими добрыми, ласковыми и внимательными, что мне это показалось наигранным, неестественным. Потом Браспаста уверяла меня, что так они ведут себя со всеми. И что добрые маги именно такими и должны быть, а вот мы, новое поколение магов по крови, беспокоим ее родителей беспощадностью и жестокостью к врагам.

Я обдумал слова Браспасты, прислушался к своим ощущениям и решил, что ее родители **СЛИШКОМ ХОРОШИ** для того, чтобы я с ними мог чувствовать себя легко и непринужденно. Несомненно, они, как и мои родители десять лет назад, предпочли бы погибнуть, но не причинять вреда своим врагам. Я такой жизненной позиции не понимал и не принимал. А добрые маги «старой закалки», наверняка, не понимали детей, которые готовы были силой магии и оружия защищать себя, своих родных и друзей, свободу и справедливость.

Узнав, что родители Браспасты скоро вновь появятся на базе, я ощутил непреодолимое желание оказаться подальше отсюда. Тем более, что у меня имелся вполне подходящий предлог.

Я показал Браспасте привлекшую мое внимание картинку из альбома:

– Ты не знаешь, что это за место? Дорожки, клумбы и скамейки как будто вполне современные, а деревья очень старые и посажены правильным кругом.

Браспаста покачала головой:

– Впервые вижу! Почему тебя заинтересовало это место?

– Мне показалось, что я там уже был. Раньше. До того, как моих родителей...

– Я понимаю, – тон Браспасты смягчился. – Но я действительно ничего не знаю об этом месте. Спроси у Виктрикс.

– А где тетя Вика?

– Кажется, она еще спит.

– Тогда я не буду ее будить. Лучше спрошу у Маркандеи.

Браспаста притворно возмутилась:

– Ты собираешься сбежать и оставить меня один на один с грудой всего этого барахла?

Она развела руки в стороны, как бы охватывая все наши трофеи.

– Если это, как ты сказала – барахло, то оно не стоит того, чтобы с ним возиться.

– Каждая мелочь может помочь нам в борьбе с врагами.

– Вот именно! – я ткнул пальцем в картинку. – Может быть, и это место не зря меня так заинтересовало. Я не успокоюсь, пока не выясню, где оно и почему так меня притягивает.

– Ну ладно, если для тебя это так важно – иди! Только не забудь о безопасности!

– Я открою дверь с ледяной равнины.

– Да я не о безопасности базы беспокоюсь, а о тебе, Калки!

– Ну что может со мной случиться в Детском мире у Маркандеи? Туда никто из наших врагов не может проникнуть.

– Хорошо, хорошо, ты меня убедил. Только возвращайся скорее, мои родители будут рады тебя видеть.

– Взаимно, – коротко бросил я, направляясь к выходу.

– Ты уже поел?! – крикнула мне вдогонку Браспаста.

– Поем у Маркандеи! – ответил я. – Для разнообразия!

Иногда чрезмерная забота этой женщины меня раздражала.

Я не стал брать теплую шубу. Подъем наверх для мага по крови, необремененного «балластом» из отряда простых смертных, был достаточно быстрым, так что я не боялся замерзнуть. Я воспользовался одной из узких вертикальных шахт, чтобы взлететь на поверхность. Эта шахта в незапамятные времена была пробита в толще скал то ли для вентиляции, то ли для перемещения грузов. Теперь она вела на дно ледяной расщелины, и вдоль полупрозрачных холодных стен я поднимался вдвое дольше, чем в узком каменном колодце. Едва мои ноги коснулись равнины, как я тут же открыл дверь в хорошо знакомое мне место: к древнему истукану в кольце вертикально поставленных каменных плит.

* * *

Оказавшись в Детском мире, я незамедлительно оповестил о своем появлении Маркандею.

И сразу же услышал его мысленный ответ:

– Я иду, Калки!

Поджидая Маркандею, я снял с себя теплую куртку, в которой покинул Дубль. Дом Маркандеи располагался в теплой климатической зоне Детского мира.

Через некоторое время рядом со мной в воздухе возникло прямоугольное отверстие, из которого вышел Вечный Ребенок. Отверстие закрылось за спиной мага до того, как я успел разглядеть, откуда он пришел.

– Извините, что отвлек вас от ваших дел, – сказал я. Несмотря на то, что Маркандея выглядел моложе меня и был таким же, как и я сам, магом по крови, я до сих пор не решался называть его на «ты».

– Ничего страшного, Калки, я не был занят чем-то важным. Пойдем в дом, и ты расскажешь мне, зачем ты хотел меня видеть.

Мы начали спускаться по тропинке к дому Вечного Ребенка.

Я на ходу достал из рюкзака свой альбом:

– Вот, наконец-то нам удалось его вернуть!

– Я не думаю, что ученые Изначального мира отдали тебе его по-хорошему.

– Это верно! Мы с Браспастой организовали целую боевую операцию.

– Хм... И много врагов вы при этом убили?

– Мы – ни одного... – я рассказал Маркандее, как с помощью иллюзорной майи нам удалось одурачить истребителей магов, забрать ценности из их лабораторий, и в конце концов сравнить между собой два их отряда.

Маркандея на протяжении всего повествования одобрительно покачивал головой.

– Ну, что же, все не так плохо, как я боялся.

– Все прошло просто замечательно! – с энтузиазмом подхватил я. – Все-таки самая передовая наука не может сравниться с магией.

– Вообще-то я имел в виду совершенно другое. В последнее время меня стала беспокоить Браспаста. Я боялся, что она ведет войну не для защиты слабых, не для отпора агрессорам. Мне стало казаться, что она воюет ради войны, ради упоения собственной силой, ради убийства.

– Нет... она никогда! – возмутился я.

– Хотелось бы, чтобы она оставалась с нами. И чтобы ты оставался с нами.

Я решил уточнить:

– С «нами» – то есть с теми, кто соблюдает закон, или с теми, кто называет себя «добрыми магами»?

– Одно следует из другого.

– Позволю себе с вами не согласиться. Например, все религионеры в свое время пролетели над горой Меру и стали законными магами по крови. Но это не мешает им быть лжецами, угнетателями и агрессорами.

– Вот я и говорю: они перестали соблюдать закон добра. Вначале они жили по закону магов, но потом алчность, властолюбие, самолюбование увели их на другой путь.

– Ага, на темную сторону силы.

Маркандея улыбнулся:

– По твоему совету я побывал на Земле и посмотрел фильм, фразу из которого ты сейчас процитировал. Надеюсь, что и ты сам правильно понял идею этого фильма, а не отвлекся, подобно многим, на внешние атрибуты силы: власть, успех, победы.

– Я помню и ваши слова о том, что чем больше маг или человек чего-то желает, тем ближе он к темной стороне. Но мне эта теория недеяния и непротивления, честно говоря, не очень нравится. Я никогда не нападаю, но защищаться буду всегда.

Маркандея хитро прищурился:

– И как ты относишься к возможности нанесения превентивных ударов?

– Я считаю, что угроза нападения еще не есть само нападение. Если мне покажется, что мне что-то угрожает, то я буду делать все, чтобы предотвратить чужое нападение, но никогда не ударю первым.

– Отрадно это слышать. А Браспата думает так же, как и ты?

– Думаю, что да. Ведь она не нападает на религионеров, хотя уж они-то, не таясь, готовятся к захвату всего Дубля.

– Это тоже хорошо. Но ведь грань между разумной защитой и атакой для обеспечения своей безопасности очень тонка. Ее можно перейти, даже не заметив. Вот уже ты и Браспата напали на базу истребителей магов...

– Я вернул себе то, что мне принадлежит, – возразил я. – Истребители магов своими преступлениями заслужили справедливое возмездие!

– Остерегайся, Калки, того, чтобы месть за твоих родителей не стала для тебя оправданием твоих собственных преступлений. Ведь и истребители магов утверждают, что защищают простых смертных от агрессии со стороны сверхъестественных сил, что мстят магам за долгие тысячелетия угнетения смертных бессмертными.

– В отличие от истребителей магов, я сражаюсь только с теми, кто действительно виновен.

– Пусть так будет и дальше, Калки! – мягко произнес Маркандея. – А сейчас я прошу тебя разделить со мной мою скромную трапезу!

Ведя беседу, мы давно уже пришли к уютному дому Маркандеи и расположились за столом. Теперь на столе появились тарелки с разными фруктами и орехами. Я перепробовал все кушанья, так как на Дубле не было и одной десятой такого разнообразия вкусных плодов, как в Детском мире.

Наполнив желудок, я перешел к тому главному, что привело меня к Маркандее. Я протянул свой альбом Вечному Ребенку:

– Вот, посмотрите на эту картинку с парком. Она почему-то привлекла мое внимание. Это странно, ведь раньше, в детстве, когда я пролистывал альбом, я не обращал на нее внимания. А сейчас меня почти физически тянет в этот парк. Но я решил не открывать туда дверь, не посоветовавшись с вами.

Маркандея бросил на картинку всего один короткий взгляд:

– Ты правильно сделал, что пришел ко мне. Этот парк разбит в бывшей священной роще Януса. Там, в этой роще, Янус и был похоронен примерно триста лет назад по земному летоисчислению.

– Янус? Это случайно не?...

– Это тот самый Двудликий Янус, который известен тебе по древнеримской мифологии.

– И он умер так недавно?! – поразился я.

– Ты хочешь сказать, что он намного пережил веру в свое существование? – Маркандея усмехнулся. – Такова участь многих магов, которые играли в богов. Игра им самим надоедала, но смертные еще долго не могли ее прервать.

– И Янус так и жил... двуликим?

– Нет, у него никогда не было двух лиц на голове. Это всего лишь метафора, показывающая, что Янусу было ведомо прошлое и будущее. Он очень хорошо помнил историю и на ее основе умел предсказывать будущее. Он считал, что все повторяется, и ничто не ново. А потому, найдя соответствующие аналогии в прошлом, легко узнать, что ждет в будущем.

– Жаль, что он умер, я бы о многом хотел его расспросить.

– Наверное, именно поэтому твои родители вставили эту картинку в твой альбом.

– Что вы хотите этим сказать?

– Священная роща Двуликого Януса – это нечто большее, чем место его упокоения. Его дух все еще бродит среди деревьев. Я знаю, что твоя мать, незадолго до того, как ты появился на свет, советовалась с Янусом по поводу твоего будущего. Только она не сказала мне, что поведал ей дух Януса.

Мое сердце учащенно забилося:

– Может быть, картинка так притягивает меня потому, что дух Януса хочет мне что-то сказать? Как с ним связаться?

– На первый твой вопрос мой ответ: не знаю. На второй твой вопрос ответ очень прост: надо всего лишь заснуть в священной роще, и дух Двуликого Януса, если сочтет нужным, посетит тебя.

– Во сне?

– Во сне.

– А как я определяю, что меня посетит дух Януса, а не приснится просто сон? Как я запомню разговор с Янусом, если он произойдет во сне, а сны легко забываются?

– Сразу видно, Калки, что ты вырос в техническом, научном мире современной Земли. Люди в прошлом верили снам и придавали им очень большое значение. Ты хочешь определенности и логики там, где все построено на чувствах и ассоциациях. Даже при общении с умершим магом ты надеешься получить четкие ответы на конкретные вопросы. Предупреждаю тебя: так не будет. Дух Двуликого Януса – это не он сам. Дух это... Ты не поймешь, пока сам не вступишь с ним в общение.

– Понятно, что ничего непонятно. Скажите хотя бы, где эта роща находится физически?

– Она на Земле, на юге Римской империи.

– То есть в Италии?

– Да, теперь, кажется, эта местность так называется... Я плохо знаю современную географию Земли.

– Что же, благодарю за консультацию. Еще спасибо за еду и за то, что доверяете мне и делитесь подозрениями по поводу Браспасты. Вы не будете возражать, если я перескажу ей ваши опасения?

– Я буду этому только рад. Чем чаще ты станешь напоминать Браспасте об опасности перехода на темную сторону, тем вернее ее от этого убережешь. Ты сейчас отправляешься к ней?

– Нет. Сначала я встречу с духом Двуликого Януса, – я встал из-за стола.

– Будь осторожен!

Я замер на половине шага:

– Это может быть опасным? Почему вы сразу об этом не сказали?

– Любая встреча с духами умерших опасна для живых. Помни об этом!

– В чем это может выражаться? Он попытается захватить мое тело? Он утянет меня в мир мертвых?

– Ни то, ни другое. Если только ты сам этого не захочешь и не предложишь.

– Вот уж не собираюсь. Я помню главные правила: ни в коем случае ничего не есть и не пить в мире мертвых, не заниматься любовью, а, уходя, не оборачиваться.

– Тогда тебе нечего бояться. И все же не забывай о возможной опасности! Не расслабляйся!

– Спасибо и за этот совет! Ну, я пошел!

– Покойной тебе ночи, Калки, и приятных сновидений!

Я не понял, шутит Маркандея или говорит серьезно. Я вышел из дома и встал так, чтобы в открываемую магическую дверь был виден только склон холма. Едва я посмотрел на ключевую картинку, как передо мной в воздухе возник прямоугольник с желаемым изображением. Никогда до сих пор мне не удавалось так легко и быстро открыть дверь в место, где я ни разу не был. Обычно такая легкость достигалась только с пятого-шестого раза. Неужели меня, действительно, звал к себе дух Двуликого Януса? Скоро я это выясню.

Остановившись перед дверью, открытой в парк, я сообразил, что картинка с его изображением отличалась от других. На всех других карточках в альбоме были нарисованы крупные и, если можно так выразиться, уединенные предметы: камни, деревья, дома, статуи. Такие ключи позволяли не только однозначно определять места открытия дверей, но и обеспечивали достаточную скрытность перемещения магов. Все места, куда открывались двери, почти исключали появление случайных нежелательных свидетелей. Парк же, наоборот, был местом открытым и допускал, что в момент открытия двери рядом могли оказаться гуляющие в нем люди. Я застыл, не решаясь сделать решающий шаг через дверь в парк. У меня возникло желание сначала просунуть туда голову и осмотреться. Но в следующий момент я отринул сомнения и шагнул вперед.

* * *

Едва я оказался в парке, как сразу же понял, почему он смог послужить основой для ключа-картинки. Маленький парк с трех сторон окружал высокий забор, то ли старинный, то ли сделанный под старину: причудливая литая чугунная решетка на основании из дикого камня. Впереди, едва видимый за листвой деревьев, находился двухэтажный дом с колоннами. Таким образом, парк не был открыт для широкого доступа людей, он являлся частью территории, принадлежавшей владельцу дома.

Когда я прошел через магическую дверь, то сразу же услышал громкий шум моторов, грохот камней и крики людей. Парк дугой охватывала грандиозная стройка. Обернувшись, примерно в километре от парка я увидел современный город с высотными домами и широкими проспектами. Все пространство между городом и парком сейчас было заполнено остовами возводимых зданий, башенными кранами, бульдозерами, самосвалами, вагончиками строителей и прочей самой разнообразной техникой. Огней сварочных аппаратов на стройке насчитывалась больше, чем звезд на небе в ясную полночь. Привычную картину современной городской жизни дополнил низко пролетевший пассажирский аэробус, не некоторое время заглушивший ревом своих двигателей шум стройки.

Тишина и безлюдье старинного дома с парком резко контрастировали с шумным и суетливым человеко-машинным муравейником. Я направился к дому, чтобы встретиться с его владельцем или владелицей и получше разузнать о месте, в котором я оказался. В конце концов, мне надо было определить, насколько законно и безопасно я смогу заснуть в священной роще Двуликого Януса, и какие меры предосторожности мне следует принять.

Еще издали мои магические чувства подсказали мне, что в доме нет ни единой живой души. Отсутствие хозяев меня, в общем-то, устраивало, так как я мог рассчитывать, что никто не потревожит мой сон ночью. Но не вернутся ли они в самый неподходящий момент?...

Нет, не вернутся. Подойдя к дому, я увидел, что он совершенно явно покинут хозяевами. Массивная двухстворчатая входная дверь была распахнута, несколько окон на первом этаже разбиты. Внутри дома не было ни мебели, ни сантехники, ни кухонной утвари.

Я вполне логично предположил, что дом подготовлен к сносу. Должно быть, строительство новых городских кварталов вскоре захватит и территорию старинного дома. Здание разрушат, парк сровняют с землей... А как же дух Двухлицкого Януса?... Может быть, именно потому он призывал меня к себе, чтобы сообщить что-то важное перед своим окончательным исчезновением с Земли?

Пытаясь хоть что-то узнать о бывших владельцах дома, я вошел внутрь через открытую дверь и начал обходить комнаты. Все тщетно! Я не нашел среди голых стен ни единого предмета. Должно быть, то, что не увезли с собой хозяева, после их отъезда собрали какие-нибудь бедняки или бездомные. Осмотр дома доказал мне только то, что хозяева его оставили не так уж и давно, не ранее, чем три-четыре недели назад. Пыль еще не успела образовать на полу толстый слой, даже несмотря на близость большой стройки. Да и парк выглядел довольно ухоженным.

Поднявшись по полукруглой лестнице на второй этаж дома, я вышел на широкую веранду и с нее осмотрел прилегающую к дому территорию и окрестности. Деревья в парке, действительно, были высажены правильным кругом. Чуть поодаль я увидел еще несколько старинных домов, окруженных садами и обнесенных заборами. Все дома были пусты, а их сады не казались такими древними, как священная роща Януса. Наверное, еще недавно это были загородные особняки богатых горожан. Теперь, с расширением города и строительством новых кварталов, богачи предпочли перебраться куда-нибудь подальше от шума, смога и пыли. А на месте их особняков вскоре должны были построить жилые дома или предприятия.

Были ли бывшие хозяева этого дома потомками священников бога Януса, забывшими об истинной сущности своего парка? Или это были нувориши, купившие особняк у последних представителей угасшего древнего рода? В любом случае, то, что они оставили священную рощу на растерзание строителям, свидетельствовало о том, что они не были магами.

Вскоре я заметил, что шум строительства быстро стихает. Останавливалась мощная техника, замолкали моторы, прекращали работу люди. Солнце клонилось к закату, и рабочий день заканчивался. Из-за частых переходов из одного мира в другой, я давно уже отказался от ношения часов и определял время суток по движению светил, не утруждая себя знанием точного времени.

Я вышел из дома и, убедившись, что рядом нет людей, устроился на одной из скамеек внутри круга деревьев священной рощи. Вечерняя прохлада заставила меня надеть теплую куртку. Должно быть, где-то неподалеку находилось море, от которого шел свежий влажный ветерок. Однако мне лень было напрягать свои магические чувства, чтобы изучить пространство за пределами видимости человеческого зрения.

Я с нетерпением ждал прихода сна, но, как обычно это бывает, сон не желал являться именно тогда, когда он был нужен больше всего. Я лег на скамейку, подложив под голову рюкзак с альбомом и поджав ноги. Я закрывал глаза, но они непослушно открывались, и тогда я смотрел на едва-едва колышущиеся от легкого ветра ветви деревьев и цветы на клумбах. Я вновь и вновь уговаривал себя настроиться на дремоту, но предвкушение и волнение от предстоящей встречи с духом умершего мага не давали мне расслабиться.

Вдруг позади себя я услышал человеческие шаги. Стараясь заснуть, я совершенно забыл о необходимости контролировать пространство вокруг себя. Непростительная ошибка: ведь моей невнимательностью могли воспользоваться враги!

Я вскочил со скамейки и приготовился к отражению возможной атаки. Однако одного взгляда на стоявшего в десяти шагах от меня человека оказалось достаточно, чтобы понять, что он для меня не представляет опасности. Это был седой старик, одетый в темный бесформенный плащ такой длины, что из-под него виднелись только стоптанные башмаки. Все пуговицы плаща были застегнуты, а шею человека несколько раз обвивал шерстяной шарф. Я решил, что этот нищий старик, скорее всего, шел через сад к дому, чтобы хоть чем-нибудь поживиться из брошенного уехавшими хозяевами имущества. Возможно, старик и меня принял за бездомного, раз я устроился на ночлег на скамейке в парке.

– Здравствуйте, молодой человек, – проговорил старик слегка сипловатым голосом, – признаться, я не ожидал увидеть вас тут так скоро.

Я подумал, что этот старый нищий, скорее всего, не вполне нормален, однако вслух вежливо сказал:

– Я тоже не ожидал встретиться с кем-нибудь в этом парке.

– Так уж и не ожидал? – хитро прищурился старик. – Тот, кто не желает встречи, не стал бы засыпать внутри кольца деревьев.

И только тут до меня наконец-то дошло, КТО стоял передо мной. Я попытался проверить старика своими магическими чувствами, но у меня ничего не получилось. Он был для меня непроницаем, как гранитная скала, и в то же время прозрачен и невидим, как вакуум. И это было не удивительно: ведь, заснув в священной роще, я отдал себя во власть духа древнего мага. Фактически, сейчас я как будто бы находился в его майе. Я сразу вспомнил все предостережения Маркандеи и почти пожалел, что решился на эту встречу. Однако отступить было поздно...

– Здравствуйте, Двудликий Янус!

– Ну, здравствуй, Калки!

– Вы знаете мое имя?

– Конечно! Ведь ты совсем недавно посещал меня вместе со своей матерью Сильфитой.

– Недавно? Я этого не помню!

– Ну да, конечно, ведь ты же находился в ее утробе, и тебе было всего-то шесть месяцев от зачатия.

– А-а-а! – только и мог протянуть я. Конечно, для древнего мага, прожившего не одну тысячу лет, понятия «давно» и «недавно» сильно отличались от моих.

Янус, или, вернее, его дух в моем сне, сел на скамейку и по-хозяйски предложил:

– Присаживайся, Калки!

Я устроился на дальнем конце скамейки, как будто эта дистанция между мной и духом Януса могла уберечь меня от опасности.

– Я рад, Калки, что ты решил навестить меня, перед тем, как я обрету окончательный покой. Однако я подозреваю, что твой визит – это не просто вежливость. Наверное, ты хочешь что-то спросить у старого мага?

– Вообще-то, мне показалось, что это вы меня зовете к себе. Картинка в моем альбоме настойчиво привлекала мое внимание к этому месту, и Маркандея сказал мне, что...

– Ох уж этот Маркандея! – со смешком перебил меня Янус. – Он считает, что все про всех знает и потому имеет право судить и поучать.

– Он не так уж много судит и поучает, – вступился я за Вечного Ребенка. – От него я узнал много полезных сведений. Именно он помог мне пролететь над горой Меру и заявить о себе, как о законном маге по крови.

– Да, Маркандея всегда настаивал на строгом соблюдении законов. Он так и не расстался с юношеским идеализмом и максимализмом. Я много раз говорил ему, что он слишком рано начал принимать эликсир бессмертия. Но он отказывался, считая, что сохраняет свою детскую душу незапятнанной взрослым рационализмом. Наверное, Маркандея предостерег тебя и рас-

сказал, что я – древний злой маг, эгоистичный и циничный, использовавший могущество для удовлетворения своих низменных страстей?

– Нет, Маркандея только сказал мне, что любая встреча живых с умершими может быть опасна, – честно признался я.

– И это все? – удивленно спросил Янус.

– Еще он говорил, что вам ведомо прошлое и будущее, потому-то вас и называли Двуликим. И что ваш дух – это не сами вы.

Янус улыбнулся:

– Тогда понятно, почему Маркандея перестал меня опасаться. Он считает, что, уйдя из живого мира, я тем самым отчасти согласился с его точкой зрения. Но он по-прежнему не прав. И, оставаясь Вечным Ребенком, он никогда не сможет понять настоящих магов.

– Честно говоря, я тоже вас сейчас не понимаю. Маркандея ничего не рассказывал мне о ваших взаимоотношениях.

– В этом нет никакого секрета. Наш спор древен, как древен сам род магов по крови. Одни считают, что наш дар предназначен для служения людям и прочим живым существам. Другие – что он позволяет нам возвыситься над смертными и править ими. Маркандея, как ты понимаешь, придерживается первой точки зрения, а я – второй. При этом я не отрицаю законов магов по крови, но считаю, что они должны урегулировать отношения между РАВНЫМИ, то есть между самими магами, и не обязаны распространяться на смертных существ. Ведь человеческие гражданские и уголовные законы не распространяются на мир животных и растений?

– Ну, например, существуют законы, запрещающие жестокое обращение с животными...

– И все равно животные остаются животными, а люди – людьми. Никакие законы не запрещают скотобойни. Люди – биологические хищники, они должны есть мясную пищу. Точно так же мы, маги по крови, рождаемся, чтобы править смертными. И никакие законы не могут отменить эту нашу естественную необходимость. Если попытаться хищника, льва или волка, превратить в вегетарианца и кормить только растительной пищей, то он, конечно же, долго не проживет. Точно так же и мы, маги по крови, живем только тогда, когда занимаем подобающее нам положение в мире.

Я осмелился указать Янусу на несовпадение его теории с фактами:

– Но ведь Маркандея-то еще живет...

– ...А я – нет, – подхватил Янус. – И ты считаешь это доказательством правоты Маркандеи? На твой невежливый по отношению ко мне, умершему, пример, я приведу другой, не менее невежливый. Ведь твои родители тоже покинули мир живых, не так ли? Они отказались править Изначальным миром, как им было предназначено, и поэтому смертные обитатели Изначального мира их уничтожили. Вот к чему приводит отказ от своего предназначения! А что касается самого Маркандеи... Ты не находишь, Калки, что в мире, который выбрал для себя Маркандея, не случайно началась глобальная война с применением «Вируса старости»? Я не удивлюсь, если наш добрый друг Вечный Ребенок поучаствовал в его создании. Так он получил мир, почти идеальный со своей точки зрения: одни только чистые душами дети без циничных взрослых.

– Ваше предположение просто чудовищно! – воскликнул я, хотя слова Януса не показались мне полностью лишены смысла.

Старый маг усмехнулся:

– Так ведь с точки зрения простых смертных мы и есть – чудовища!

– Или боги, – добавил я.

– А в чем разница? Люди всегда боялись богов, равно как и чудовищ. И те, и другие – высшие существа, наделенные не только могуществом, но и правом карать или миловать по своему усмотрению. Боги называются добрыми, а чудовища – злыми только на том основании, какие деяния у них преобладают, точнее, какие деяния приписывают им люди. Но страх перед

теми, кто неизмеримо сильнее, всегда живет в сознании любого смертного. Это часть естественного инстинкта самосохранения живых существ. Любая власть в первую очередь основана на страхе. Таков закон, который нельзя изменить. Можно только жить по этому закону, или умереть. Вот я, например, так и поступил. Когда я пресытился властью, когда устал повелевать, когда мне надоело награждать и наказывать, тогда я предпочел покинуть мир живых.

Наверное, на моем лице отразилось недоверие к словам Януса, потому что старый маг сказал:

– Тебе в твоём возрасте трудно понять, как можно устать от жизни. Но, поверь мне, в мире нет ничего вечного и ничего неизменного. Особенно непостоянны наши собственные взгляды, желания и цели. Вот, посмотри!

Пространство вокруг нас преобразилось. Деревья превратились в высокие колонны с резными капителями, на которых покоился высокий купол, украшенный сияющими, словно звезды, драгоценными камнями. Скамейка, на которой мы сидели, стала двумя отдельными тронами. Клумбы с цветами превратились в столы с изысканными кушаньями и напитками, а скамейки – в стулья, кресла и диваны. Мощеные камнями дорожки стали мозаичным мраморным полом. Все окружавшие нас предметы как будто раздвинулись в стороны, превратив скромный маленький парк в огромный богатый дворец.

В этом дворце мы с Янусом оказались не одинокими. Передо мной возникло множество людей обоих полов, молодых и старых, одетых в самые разные костюмы, соответствующие их временам, странам и народам: от простых хитонов и тог из небеленого полотна до крикливо-роскошных восточных и европейских придворных нарядов XVIII века из шелка, бархата и парчи. Люди прогуливались, стояли или сидели. Они беседовали между собой, подходили к столам, брали кушанья и напитки.

Сам Двуликий Янус тоже преобразился. Его нищенский, бесформенный плащ превратился в мантию темно-фиолетового цвета, отороченную белым мехом и расшитую серебряными нитями. Седые волосы старого мага распушились и обрамили лицо почти правильным кругом, так что анфас его лик стал похож на изображение на этикетке Бонаквы или на лейбле Версаче.

Плавным жестом Янус обвел пространство между колоннами:

– Все эти люди когда-то жили на Земле. Они давно умерли и остались только в моих воспоминаниях. Раньше мне доставляло удовольствие повелевать царями и императорами, обладать самыми прекрасными женщинами, управлять странами и народами. Я ощущал вкус жизни, без колебаний утолял любые свои желания и страсти. И эти люди повиновались мне со смесью страха и благодарности. Они боялись прогневить меня, но были благодарны за то, что я, могущественный, выделил их из толпы им подобных и снизошел до общения с ними. Но, в конце концов, всегда наступало пресыщение. Нельзя вечно любить что-то одно, или желать чего-то одного. Вот, например, женщины. Видишь ту красавицу в легкой тунике?

– Да, вижу! – подтвердил я.

Вообще-то красавицей эту даму назвать было трудно. Она отличалась довольно роскошными формами, которые не скрывала полупрозрачная ткань. Запястья и щиколотки дамы украшали многочисленные золотые браслеты, а на иссиня-черных кудрях красовалась диадема. Черты лица дамы были такими же крупными, как и ее фигура: большие темные глаза, пухлые чувственные губы, типично «греческий» нос, начинающийся между бровей.

– Ты видишь знаменитую Елену Прекрасную, из-за которой произошла Троянская война! – торжественно объявил Янус.

Я подумал, что, если снять с этой женщины все золотые украшения, то максимум, чему бы она стала причиной – это драке двух изголодавшихся по женскому телу матросов в каком-нибудь дешевом средиземноморском борделе. Вслух же я произнес:

– Именно такой я и представлял себе Елену Прекрасную. Я знаю, что эталоны женской красоты три с лишним тысячи лет назад определялись способностью к частому деторождению и вскармливанию младенцев. То есть красивые женщины должны были обладать широкими бедрами, короткими ногами, большой грудью и солидными запасами жира. Елена Прекрасная, несомненно, являлась в те времена идеалом женщины.

– Да, такой она и была, – мечтательно вздохнул Янус. – Кроме тех внешних признаков, которые ты перечислил, женщина того времени должна была быть умной ровно настолько, чтобы управлять домашним хозяйством и уметь угодить мужчине. И в этом Елена также могла служить идеалом.

– Если мифы точно излагают историю, то она послушно следовала за любым мужчиной, начиная от Тесея, похитившего ее в десятилетнем возрасте, и до Менелая, к которому она вернулась после Троянской войны, когда ей было уже далеко за сорок.

– Сейчас Елену Прекрасную назвали бы туповатой толстухой, – сказал Янус.

– Да, – машинально согласился я, а потом спохватился, – Я не то имел в виду!

– Мы оба прекрасно знаем, что это правда, так что незачем притворяться, – улыбнулся старый маг. – Между прочим, вон тот воин в бронзовой кирасе, что подает Елене кисть винограда – сам Ахилл.

Жилистый, длиннорукий, волосатый, низколобый Ахилл показался мне похожим на человекообразную обезьяну, а не на того благородного мужа, которым его воспел Гомер.

– У Ахилла, действительно, уязвимой была только пятка? – поинтересовался я.

– Да, такое заклятие наложила на него его мать Фетида. Фетида, как ты теперь понимаешь, принадлежала к нашему роду. Она была магом по крови из такой древней семьи, что, наверное, помнила времена, когда предки людей спустились с деревьев. Между прочим, Ахилл очень похож на свою мать. Если бы не смертный отец, Ахилл мог бы стать могущественным магом. Но, будучи полукровкой, он стал всего лишь великим воином.

– Фетида тоже здесь? – я обвел глазами многолюдную толпу, стараясь отыскать обезьяноподобную женщину.

– Нет, она никогда не была мне подвластна. Вообще-то, мы с ней даже были врагами. Троянская война стала последним открытым противостоянием диковатых магов из глубокой древности и моим поколением цивилизованных магов. Хотя мы и сражались в основном руками смертных, воины знали о том, кто стоит за их спинами. В рядах сражающихся было много полукровок, которые не позволяли забыть о нашем существовании. Но я всегда был против смешивания крови магов с кровью смертных.

– У вас были дети?

– Нет! У магов по крови тогда был распространен не очень привлекательный обычай – убивать своих родителей, занимать их место и отбирать власть. Я не хотел лишиться жизни ради сомнительного удовольствия продолжить свой род. Я и сейчас не жалею о том, что покинул мир живых, не оставив потомков. Я, как и другие маги по крови, жил для своего удовольствия, а не для того, чтобы кто-то другой, пусть даже мой ребенок, воспользовался моими трудами, присвоил себе их плоды.

– Тогда вы просто эгоист, – не удержался я.

– Да, теперь это так называется, – согласился Янус. – И мне это нравится! Животным инстинктам продолжения рода мое поколение, в отличие от Фетиды и ей подобных, противопоставили разумное самоограничение и отказ от производства новых магов по крови. Так мы резко сократили количество войн и убийств среди магов на Земле. Перед нами постоянно был пример растущей численности людей. В борьбе за охотничьи угодья, места выпаса скота, благоприятные для земледелия районы, людские семьи боролись с семьями, племена сражались с племенами, государства воевали с государствами. Конечно, и среди нас, магов по крови, встречались такие, кому мало было править людьми, кто жаждал возвыситься над всеми другими

магами. На Землю являлись маги из других миров, в надежде отобрать у нас наши земли и наших людей. Были и люди, которые хотели сбросить нашу власть. Так что магические войны на Земле никогда не прекращались, для них всегда находился какой-нибудь повод. Тогда в ход противоборствующие стороны пускали все средства: от магического оружия и тайных убийц до массовых армий, сформированных из жителей подвластных государств. Ты сам знаешь, что наши способности не безграничны. Более того, силы у разных магов очень разнятся: кто-то способен перемещать горы и держать под контролем сознания многих тысяч смертных, а кто-то едва-едва может превратить вино в воду. Так что магам приходилось все чаще и чаще использовать не только свои силы, но и полагаться на обычных смертных людей. Так возникли предводители дружин, военачальники, а потом – цари и императоры. Мы позволяли им командовать армиями от своего имени. Помощникам в магических ритуалах мы доверяли некоторые знания, доступные их пониманию и использованию. Так появились маги по обучению, жрецы и священнослужители. Постепенно мы предоставили самим людям решать все вопросы по обеспечению наших желаний. Мы лениво принимали почести, восхваления, жертвоприношения. Тысячелетиями мы наслаждались своим положением над миром смертных. Мы играли ими, как куклами и солдатиками.

– И тогда наступило пресыщение?

– Не сразу. Сперва нам наскучили массовые поклонения. Ведь, кроме восхвалений, к нам обращались и с молитвами, которые иногда, для поддержания своего статуса, надо было исполнять. Кроме жажды власти и славы наши желания довольно ограничены и мало отличаются от желаний простых смертных: привлекательные партнеры для любви, вкусная пища, удобные и красивые жилища. То один из нас, то другой, то третий стали покидать этот мир, чтобы никогда не вернуться. Кто-то в поисках новых ощущений переселился с Земли на другие планеты, кто-то, устав от жизни, отправился в мир мертвых. Нас, магов по крови, становилось все меньше и меньше. Мы не желали делить свое всевластие с детьми, так что некому было нас заменить. Многие из нас отказались от явного управления людьми. Впрочем, скоро выяснилось, что военачальники и священнослужители прекрасно справляются и без нас. Они унаследовали нашу жажду власти и безграничных удовольствий. От нашего имени, но уже не для нас, а для себя, они захватывали земли, копили богатства, отбирали прекрасных женщин, приносили жертвы. Чтобы возвысить самих себя, они от поколения к поколению преувеличивали, приукрашивали и приумножали рассказы о нас: о нашем всемогуществе, о всеведении, о нашем бессмертии.

– Так вы стали богами?

– Нет, мы остались магами. Люди поклонялись уже не нам, а придуманным ими самими образам. Мы смеялись над тем, как нелепо и безрассудно люди верили в своих добрых богов, как возносили к ним молитвы, которые никто не слышал и не исполнял, как приносили жертвы, которые присваивали себе лжецы-священники. А потом вдруг мы поняли, что люди на Земле научились жить без нас. Страны и народы рождались, процветали и гибли без нашего участия. Религиозные и мифологические представления заменили людям воспоминания о нас. Затем сама вера в сверхъестественные силы сменилась верой в научный рационализм. Для нас, немногих оставшихся на Земле магов по крови, жизнь превратилась в игру. От явного вмешательства в дела людей мы перешли к тайному влиянию, к интригам и многоходовым комбинациям. На некоторое время это вернуло нам интерес к жизни... А потом пропал и он. У нас было только два пути. Во-первых, мы могли уйти в другие миры, где цивилизации строились на основе магии, например, в тот же Мир Магии или на Дубль. Но там уже жили другие маги, и надо было силой отвоевывать место для жизни. Во-вторых, мы могли уйти из мира живых. Каждый сам делал свой выбор. Я выбрал второй путь.

– Но ведь был... и сейчас еще есть третий путь, – сказал я.

– Какой же?

– Восстановить свою власть на Земле!

Янус покачал головой:

– Неужели ты так ничего и не понял, Калки? Не мы управляем ходом истории. Мы – часть мира, и должны жить по его законам. На Земле мы сделали свое дело, мы красиво жили и получали все, чего хотели и чего заслуживали. Больше нам тут делать нечего.

– Вы все время говорите «мы». Кто еще, кроме вас, считает, что маги на Земле больше не нужны?

– Те, кто так считал, уже так или иначе покинули Землю. Ты не встречался в Мире Магии с Дьяусом Патером и Кибелой?

– Нет, я просто пролетел на драконьей колеснице...

Не слушая мой ответ, Янус продолжил:

– Когда в следующий раз окажешься на горе Меру, передавай им от меня привет.

– Их имена мне знакомы. Они жили на Земле?

– Они – одни из самых старых ныне живущих магов. Они – мои родители.

Я вспомнил беззаботное существование хозяев магических энергий на горе Меру. Они купались в роскоши и неге, тогда как остальной мир ютился в нищете. Как оказалось, Двуликий Янус также принадлежал к лагерю моих противников. Говоря «мы», Янус рассказывал именно о таких же, как он сам, магах: эгоистичных, равнодушных к простым смертным, алчных и завистливых. Мысленно я согласился с Янусом в том, что ТАКИЕ маги на Земле не нужны, равно как не нужны и в других мирах.

Вполне возможно, именно времена правления подобных Янусу магов привели к тому, что у смертных существ выработался врожденный страх перед сверхъестественными силами. А если верить Отшельнику, считавшему, что история Земли и других миров является отражением событий в Изначальном мире, то, значит, не так уж неправ был Савельев. У людей, боблинов и оборотней имелись все основания опасаться нас, магов. Могли ли мы после тысячелетий взаимной вражды попытаться обрести мир? Вряд ли стоило задавать этот вопрос Янусу. Уйдя из мира живых, он уже дал свой ответ.

Я с горечью подумал, что если бы Двуликий Янус был жив, он считался бы моим врагом. Очень жаль. Этот древний маг, живший ради удовлетворения своих желаний, и умерший, когда больше нечего было желать, был честен с самим собой и со мной.

Словно прочитав мои мысли, Янус спросил:

– Наверное, сейчас ты размышляешь о несовершенстве мира?

– Что-то вроде этого. Вы, маги прошлого, могли бы вести людей к высотам чувств и разума. Но вместо этого вы сделали людей такими же, какими были сами.

– И мы, и люди, и прочие существа, называющие себя разумными – все мы одинаковы в том, что мы разные. Есть я, и есть Маркандея. Есть алчные цари и лживые священники, но есть и бескорыстные герои, и честные труженики. Каждый играет свою роль. Я свою уже отыграл, а тебе, Калки, еще только предстоит написать собственный сценарий. Я могу предвидеть твое будущее. Оно очень странное. Ты потерпишь поражение, когда будешь считать себя победителем и победишь, когда все будут считать тебя побежденным.

– Как это?

– Я всего лишь дух древнего мага, и потому не могу сказать точнее.

– Насколько я мог судить, живые маги тоже предпочитают вместо прямых ответов загадывать загадки.

– Ты имеешь в виду Маркандею?

– Да.

– Начни говорить загадками, и тебя будут считать мудрым. Никому не верь, Калки! Пока ты молод и неопытен, многие попытаются использовать тебя для своих целей.

– Может быть, вы зря о других судите по себе?

– Я уже слишком стар, чтобы менять свои взгляды. Кроме того, я просто не успею их поменять. Человеческая техника, всякие тракторы и бульдозеры, скоро уничтожат мою священную рощу. А вместе с деревьями исчезнет и обитающий в них мой дух. Так я наконец-то обрету покой, и меня перестанут беспокоить юные маги.

– Вы хотите, чтобы я ушел?

– А ты собрался вечно спать в моей роще? Твой визит разбередил мои воспоминания. Я уже начал жалеть о том, что покинул мир живых. Вон, видишь смуглую даму в длинном золотистом платье? Это Клеопатра!

Названная дама внешне почти не отличалась от Елены Прекрасной, разве что была чуть поуже в талии. Крупный нос напоминал о том, что Клеопатра происходила из греческой семьи Птолемеев, а не была потомком египетских фараонов.

Янус показал на двух брюнеток в средневековых платьях, прогуливающих неподалеку:

– А это знаменитые Лукреция и Элжбета. Они ведут нескончаемый спор о том, что лучше: отравить нескольких знатнейших и знаменитейших людей, или замучить сотни безвестных простолюдинов. Скажи, Калки, сейчас на Земле есть такие красавицы?

– Наверное, есть, – ответил я, с любопытством и ужасом глядя на подружек Борджиа и Баторий.

Люди из воспоминаний Двудликого Януса теперь казались мне участниками бала Сатаны. Несходство реальных лиц с приукрашенными описаниями историков не позволяли мне их точно идентифицировать. Однако, несомненно, все мужчины здесь были великими завоевателями и тиранами, а женщины – знаменитыми убийцами или причинами для чудовищных войн.

– Давай, Калки, заключим с тобой договор, – вкрадчиво предложил Янус. – Я подробно и прямо отвечу тебе на любой твой вопрос о прошлом и будущем, а ты позволишь мне некоторое время побыть в твоём теле, чтобы вспомнить вкус радостей мира живых.

– Это весьма заманчивое предложение, но я отвечаю отказом.

– Неужели ты не хочешь знать, откуда начался род магов по крови? Существуют ли на самом деле боги? Зачем ко мне приходила твоя мать, Сильфита, что она спрашивала, и что я ей ответил?

Я с укоризной и разочарованием посмотрел на старого мага

– Вы жестоки, Двудликий Янус! Я же прекрасно понимаю, что, если я предоставлю вам свое тело, то вы его никогда не вернете назад. Мой дух останется в парке и развеется через пару недель, когда строители выкорчуют деревья. Так что все полученные от вас знания окажутся для меня бесполезными.

– Ты хорошо запомнил, что никому и никогда нельзя доверять, – глаза Януса недобро заблестели, а по стоявшим дыбом седым волосам побежали голубые искорки. – Сейчас тебе, и правда, лучше уйти. Я могу попытаться силой захватить твое тело.

Я поднялся с трона:

– Ладно, я уйду. Но я вас не боюсь. Я вас жалею.

Янус откинулся на спинку трона:

– Прости, Калки! Твоя юность вызвала во мне безумную зависть. У тебя все впереди, а у меня уже все позади. Скорее бы конец!

– Прощайте, Двудликий Янус!

Я направился к колоннам иллюзорного дворца.

– Постой! – крикнул мне вслед Янус.

– Я не буду оборачиваться!

– И не надо! Слушай меня, Калки: твоя мать Сильфита спрашивала у меня, сможет ли ее сын открывать двери во времени. Я ответил ей, что ты будешь обладать этим даром. Я посоветовал ей нарисовать картинку с парком, таким, каким она его увидела. Она была здесь всего несколько дней назад. Воспользовавшись нарисованным ею ключом, ты вернулся в прошлое

еще до своего рождения. В твоём времени моей священной роши уже нет, и мой дух прекратил своё существование. Я сразу понял, что раз ты решил меня посетить то, значит, твои родители погибли в Изначальном мире. Я не жалею их и не жалею себя. Каждый из нас шел своей дорогой и выбирал свою судьбу. И ты тоже иди! Иди и не оглядывайся!

Я быстро зашагал вперед. Чем ближе я подходил к колоннам, тем призрачнее и прозрачнее становились дворец и фигуры людей. Едва я пересек круг, сон прервался.

* * *

Я лежал на скамейке в парке. Солнце еще не взошло, лишь его лучи показались над городом. Было очень тихо, хотя, казалось бы, парк должен был быть наполнен рассветными птичьими трелями. Я сел. Мои мысли путались. Щекам было холодно. Я потер их ладонями и ощутил влагу. Слезы? Разве я плакал во сне?

Я встал со скамейки, подошел к забору парка и с помощью магии обследовал ближайшие вагончики строителей. Нужные вещи я нашел почти сразу же, ведь люди во множестве покупают их каждое утро и выбрасывают каждый вечер. Газеты были напечатаны на итальянском языке, но мне не требовалось его знание для того, чтобы прочитать даты. Двуликий Янус меня не обманул. Я, действительно, находился в прошлом.

Я проанализировал ситуацию. Дверь в парк я открыл необыкновенно легко, словно не преодолевал поток времени. Но ведь я почти не нарушил закон вероятностей. В этом прошлом меня еще не было, и меня никто не видел.

К сожалению, я не мог с пользой для себя продолжить это невольное путешествие в прошлое: на Земле в это время мне просто нечего было делать, так как события, которые мне хотелось бы изменить, должны были произойти в Изначальном мире через несколько лет. Так что полезным приобретением в дополнение к поучительной встрече с духом Двуликого Януса, можно было считать обретенную мной уверенность в том, что я умею открывать двери в отдаленное прошлое.

Из прошлого Земли я мог выбраться только через магическую дверь. Я раскрыл альбом. Куда мне отправиться теперь? К Маркандее? Или на подземную базу, к Браспасте и ее родителям? Нет, сейчас я не был расположен общаться с кем бы то ни было. Мне требовалось побыть в одиночестве, еще раз прокрутить в голове и осмыслить диалог с Янусом. Каждая его фраза, каждое слово могли содержать скрытый смысл.

Машинально перелистывая альбом, я дошел до его конца и остановился на картинке с домом моих родителей, которую нарисовала тетя Вика. Нет, еще рано открывать дверь в это время и место! Но ведь можно побывать там в своём времени, осмотреть окрестности, поглядеть, что осталось от дома. Может быть, это пробудит во мне детские воспоминания, которые потом помогут уверенно открыть дверь в прошлое? Итак, решено: я отправляюсь на разведку в родной дом!

Глава 3. Путь домой.

Дом моих родителей находился неподалеку от Муравы. Однако я не мог открыть дверь прямо к нему, так как картинка, нарисованная тетей Викой, изображала его таким, каким он был десять лет назад. Мне нужно было попасть в Изначальный мир в свое время, а потом обычными человеческими средствами передвижения добраться до дома. Адрес я знал. Тетя Вика написала его на обратной стороне картинки, и за минувшие два месяца я запомнил его наизусть.

Я знал несколько путей в Изначальный мир: через сад камней возле дома Отшельника, через дом Наула Назеля, через квартиру Цедарии Соображаевой, через площадь возле Главного Учебного Заведения Колоссии. Дом Отшельника находился в Тассисудуне, и оттуда мне пришлось бы добираться до Муравы через полмира. Дом Наула Назеля в настоящее время был разрушен, и я не был уверен, что этот путь безопасен, ведь истребители магов даже спустя два месяца могли вести за ним наблюдение. Квартира Соображаевых тоже казалась мне не слишком подходящим местом для проникновения в Изначальный мир. Я допустил ошибку, когда на дне рождения Мыстра открыл свою сущность слишком большому количеству людей и боблинов. Кто-нибудь из них мог оказаться доносчиком и предателем, или же просто болтуном. Так что и этот путь не был безопасным.

Выбор пути у меня был невелик. Впрочем, открытие двери возле ГУЗКа меня вполне устраивало. На подземке я бы доехал до вокзала, а потом на пригородном поезде – до нужной станции. Я закрыл глаза и представил стену ГУЗКа. Это было нетрудно, так как места, в которые я когда-либо открывал двери, надежно запечатлевались в моей памяти. Я открыл глаза и создал магическую дверь.

– Прощайте, Двудликий Янус! – громко произнес я.

Я уже прощался со старым магом во сне, но мне подумалось, что и наяву это будет нелишним. Я так и не узнал, слышал ли меня дух Януса. Ветер по-прежнему шевелил листья деревьев в священной роще, и больше никакие звуки не нарушали тишину парка.

Сделав несколько шагов, я прошел сквозь расстояние, время, и оказался в Мураве. Тут тоже наступало раннее утро. На широкой площади не было видно ни единого живого существа. Я быстрым шагом пошел по знакомому пути к ближайшей станции подземки.

В Мураве, в Изначальном мире, как и в Москве на Земле в это время наступил конец осени. Ночью, похоже, ударили заморозки: траву на газонах покрывала белая изморозь, а лужи сковала корочка льда. Так что моя теплая куртка вполне соответствовала погоде. Я не знал, то ли климат в Изначальном мире был теплее, чем на Земле, то ли зима в этом году запаздывала на всех Отражениях. По моим расчетам, в Москве уже должен был бы выпасть снег, а в Мураве пока шли холодные осенние дожди, и только по ночам температура опускалась ниже точки замерзания воды.

Вскоре по улице я шел не один. Из домов выходили усталые, не выспавшиеся, бедно одетые люди и обреченно плелись в сторону станции подземки. В Колоссии тот, кто работал с раннего утра до позднего вечера, жил в нищете, тогда как богачи свои дни проводили в праздности. Свое богатство они приобретали не собственным трудом, а только лишь присвоением результатов чужой работы.

Я смотрел на шагающих рядом со мной людей, и у меня возникали сомнения: стоили ли эти безвольные, забитые создания того риска, на который шли их защитники и освободители? Почему честно работающие люди, составлявшие абсолютное большинство жителей Колоссии, сами не протестовали и не пытались свергнуть власть немногочисленной боблинской верхушки? Бойцы Браспасты на Дубле за свою свободу готовы были сражаться даже с

превосходящим по силе и численности противником. Они, несомненно, заслуживали уважения. А люди Колоссии? Чего заслуживали они? Презрения или сочувствия?

Вместе с толпой людей я спустился в подземку. Карту Муравы я помнил прекрасно. У меня была отличная зрительная память то ли благодаря крови магов, то ли из-за собственных врожденных способностей. Поэтому я мысленно выстроил наилучший, с моей точки зрения, маршрут.

Я решил сесть в пригородный поезд не на главном городском вокзале, а на одной из городских станций. В Мураве, точно так же, как и в Москве, вокзалы были расположены в черте города. Когда-то их строили на окраинах, но, из-за того, что города значительно разрослись за счет новых районов, вокзалы оказались почти в центре столиц. Так что рельсовые пути шли прямо через город, и поезда делали несколько остановок в тех местах, где когда-то располагались пригородные поселки, а сейчас раскинулись новые городские кварталы.

Несмотря на то, что мне хотелось посмотреть на вокзалы Муравы и сравнить их с Московскими, которые, если верить Отшельнику, являлись их отражениями, я решил избежать ненужного риска. На центральных вокзалах было больше полицейнеров и, наверняка, негласных наблюдателей в штатском от других правительственных и неправительственных организаций. Хотя Браспаста научила меня многим хитрым магическим приемам, предыдущее пленение агентами КОЛО все еще было свежо в моей памяти. Я не хотел его повторения.

В жарком, душном вагоне подземки, зажатый плотной толпой людей, я стоя ехал до нужной станции. Я думал о скорой встрече с родным домом и о том, когда и как я почувствую, что готов к следующему шагу – к встрече с родителями. Одновременно с этими размышлениями я не переставал контролировать окружающее пространство вокруг себя с помощью человеческих и магических органов чувств.

На пересадочной станции подземки много людей вышло, едва не вынеся меня из вагона. Но мне-то надо было ехать дальше! К счастью, у меня имелся опыт поездок в Московском метро, так что я неплохо умел упираться, проскальзывать и проворачиваться в плотной массе тел. В вагон вошло значительно меньше людей, чем вышло. Я бегло, глядя как бы мимо и сквозь них, осмотрел вошедших и убедился, что они не представляют для меня опасности.

Мое особенное внимание привлекла молодая девушка, приблизительно моя ровесница. Она была необыкновенно красива. Ее лицо и фигура казались сотворенными каким-то скульптором, настолько близки они были к идеалу. Даже без помощи магии я почувствовал, как мужская часть вагона принялась исподволь или явно разглядывать девушку. Тогда как женщины как бы демонстративно игнорировали ее появление. Девушка легко скользнула к освободившемуся сидению и села еще до того, как вагон тронулся с места. Не глядя по сторонам, она достала из сумочки книгу с яркой обложкой и раскрыла ее на заложенной странице. Знала ли она о своей красоте и о том, какое впечатление производит на окружающих? Несомненно, знала. Радовало ли ее жадное, переходящее в плотское желание, внимание мужчин, и завистливое пренебрежение женщин? Это мне было неизвестно.

Одежда прекрасной девушки была недорогой, но чистой и опрятной, соответствующей современным Колосским модным тенденциям. Если бы девушка пожелала, она сейчас могла бы ехать не в переполненном вагоне подземки, а в роскошном лимузине, или, скорее, этим ранним утром она еще нежилась бы в постели. С ее внешностью перед ней были бы открыты многие двери, доступны дорогие товары престижных фирм... Ей всего лишь достаточно было бы заплатить некоторую, вполне определенную и известную цену. Но девушка находилась здесь, в подземке, а не в апартаментах богатого боблина. Сможет ли она прожить честную, достойную жизнь, несмотря на свою красоту и притягательность? На этот вопрос у меня тоже не было ответа.

Словно почувствовав мое внимание, девушка подняла глаза. Наши взгляды встретились. Должно быть, девушка пребывала под впечатлением от прочитанного. На ее лице блуждало

мечтательное выражение, а взгляд был слегка рассеян, хотя и направлен на меня. Как будто в ее глазах находились шторы, которые были раскрыты, чтобы впитывать строчки книги и передавать их прямо в глубину души. И я тоже, следом за книгой, мог бы войти в ее душу...

Я не нашел ничего лучшего, чем слегка улыбнуться и кивнуть головой, как будто приветствуя знакомую. Взгляд девушки мгновенно затвердел, шторы в глубину души плотно захлопнулись. Нежная, трогательная мечтательность на лице сменилась твердо-нахмуренным строгим выражением. Девушка вновь опустила глаза в книгу, не задержав на мне взгляда.

«Жаль!» – только и мог подумать я. Из любопытства я посмотрел на обложку книги. Там были изображены дракон, единорог и фигура мага со светящимся посохом. Какая ирония судьбы! Девушка предпочла книгу в стиле фэнтези настоящему, живому магу.

Может быть, девушка отвергла не меня, а мой образ простого паренька в метро, одетого в скромную одежду? А настоящий я – Калки, легендарный Судья – мог бы предстать перед ней в блеске славы и сиянии силы великого мага.

«А что, собственно, я бы мог?» – одернул я сам себя. Продемонстрировать девушке свои сверхъестественные способности? Совершить чудо? Удивить ее? Заинтересовать? Подавить своим могуществом? Напугать? Отвергла бы она меня тогда? А если бы она меня все равно отвергла, что бы я с ней сделал: казнил или подчинил себе магическим внушением?

Да, я мог бы стать таким, как Двуликий Янус и ему подобные. Я мог бы брать все, что мне нравится, по праву мага, по праву сильного. Но тогда чем бы я был лучше тех, с кем собирался вести войну за правду и справедливость? Тогда война превратилась бы в обычную схватку за власть между поработителями, между хищниками.

Я больше не смотрел в сторону девушки. Не то, чтобы искушение было слишком велико и могло перетянуть меня на сторону моих врагов. Просто я больше не хотел смущать девушку своим вниманием. А ведь сколько еще пристойных и непристойных намеков, предложений и, возможно, приказов придется ей выслушать в жизни? Поддастся ли она соблазнам, проявит ли слабость? Мы в чем-то были похожи. Ее красота, как и моя магия, могла стать средством достижения могущества, или же причиной жестких самоограничений. Все зависело от того, по какому пути пойдет она, по какому пути пойду я...

Кстати, о пути: моя станция, пора выходить!

* * *

Станция подземки находилась всего в сотне метров от станции теллуриевой (по-земному – железной) дороги. Как и на Земле, поезда в Изначальном мире двигались по металлическим рельсам, уложенным на шпалы. Вообще, как я заметил, значительные различия в предметах и машинах между двумя мирами начинались только в последнем столетии, когда появились круглые экраны телевизоров, компьютеров и мобильных телефонов, летательные аппараты с подвижными крыльями – махолеты. А то, что было изобретено ранее: корабли, поезда, автомобили, огнестрельное оружие – мало отличалось от земной техники.

Муравские теллуригодорожные станции поездов тоже почти не отличались от Московских железнодорожных станций. Те же платформы, кассы, лестницы переходов, торговые палатки и магазинчики. Запах пирожков, по которому и без помощи магии можно догадаться, что их начинка когда-то лаяла или мяукала. Неопрятные тетеньки с необъятными сумками, мечущиеся по переходам так, будто они впервые оказались в незнакомом месте, хотя на самом деле ездили этой дорогой уже полвека. Помятые мужички, с раннего утра заливающиеся дешевыми алкогольными напитками. Многоголосый гул толпы, в котором смешались приветствия, ругань, плач детей, женская болтовня, крики торговцев.

Подойдя к кассе, я убедился, что поезд до нужной мне станции прибудет через несколько минут. Время ожидания я потратил на то, чтобы съесть мороженое (неотличимое по вкусу от московского) и выпить бутылку «Геро-Колы».

Я посмотрел на небо: не собирается ли дождь, не надо ли купить зонт? Чистый горизонт обещал ясный день, так что никаких лишних вещей я брать в дорогу не стал. Браспаста учила меня, что маги не должны отягощать себя багажом, если их способности в любой момент могут обеспечить им еду, воду, жилье и защиту. У меня с собой не было даже ножа-«бабочки», с которым я не расставался в Москве несколько последних лет. Единственным предметом, лежавшим в моем старом школьном рюкзаке, купленным еще на Земле в прошлой, обыкновенной жизни, был альбом с ключами-картинками.

Вообще, это было странно: я собирался ехать на поезде за город, тогда как менее часа назад одним шагом преодолел расстояние от Италии на Земле до Муравы в Изначальном мире, да еще совершил путешествие во времени.

О скором прибытии поезда сообщило усиление суеты на платформе станции. Хотя осенним утром людей за город ехало немного, они по укоренившейся привычке беспокоились, возбужденно переговаривались, бестолково перемещались по станции. Люди Колоссии настолько привыкли к своей незначительности и бесправию, что даже обычная процедура посадки на поезд вызывала у них волнение: а вдруг им не хватит места? А вдруг поезд закроет двери и уйдет, а они не успеют на него сесть? А вдруг их кто-нибудь не пустит в вагон?

На общем человеческом фоне разительно выделялись два молодых боблина: рослых, широкоплечих, загорелых, с черными пронизывающими глазами и черными кудрявыми волосами. Они громко разговаривали друг с другом на каком-то южнобоблинском языке и поочередно хохотали, скаля свои крупные острые клыки, делавшие их похожими на самцов бабуинов. Каким образом боблины оказались среди ожидавших поезд людей? Почему они ехали за город не на личных автомобилях, а на презируемом ими общественном транспорте? Искать ответы на эти вопросы мне было некогда: к станции подошел поезд.

Вместе с несколькими людьми я вошел в один вагон, а пара хохочущих боблинов – в соседний. Расположение сидений в вагоне было точно таким же, как в подмосковных электричках: повернутые друг к другу трехместные скамейки по обеим сторонам прохода, образующие как бы открытые купе. Свободных мест в вагоне было достаточно, так что я сел в стратегически выгодном месте неподалеку от выхода, откуда мог видеть всех пассажиров вагона, а также всех входящих и выходящих через передний и задний тамбуры.

Поезд плавно тронулся и начал набирать скорость. Тут же изо всех щелей потянулись ледяные сквозняки. Я поднял воротник куртки и скрестил руки на груди, спрятав пальцы в складки рукавов. Рюкзак я так и не снимал, широкий плоский альбом ничуть не мешал удобно откинуться на спинку сидения.

Через пару минут после отхода от станции в тамбуре послышался громкий хохот, и в вагон ввалились, громко топая, те два боблина, которых я заметил на платформе. Я насторожился. Однако боблины, не останавливаясь, прошли мимо меня к центру вагона. Там друг напротив друга у окон сидели две девушки. Возле них и остановились боблины.

– Э, тут свободно, да? – не столько спросил, сколько утвердительно произнес один из боблинов с типичным южным акцентом.

– Занято! – отрезала одна из девушек, даже не поворачивая головы.

– Э, зачем обманываешь? – во весь рот ухмыльнулся боблин и сел рядом. – Такой красивый, и такой врушка!

Другой боблин уселся рядом со второй девушкой:

– Слушай, красотка, давай знакомиться будем!

– Валите отсюда! – грубо прикрикнула девушка. – Сейчас наши парни вернутся...

Боблин не дал ей договорить:

– Э, зачем тебе другой парень? Я – парень лучше!

И он сделал вполне недвусмысленное движение. Оба боблина дружно загоготали, скаля клыки.

Люди в вагоне старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат. Женщины и мужчины так внимательно смотрели в окна, будто за то, что они сосчитают все проносившиеся мимо деревья, им обещали заплатить по миллиону Колосских дурблей.

Я тоже не торопился вмешиваться, стараясь придумать такой способ наказания боблинов, который не привлек бы ко мне внимания и не раскрыл моей тайны. Первое опьянение магической силой у меня давно прошло, и я больше не кричал по любому поводу: «Я иду во гнев своем!» Браспаста и Маркандея учили меня применять магию незаметно, максимально используя естественные вероятности событий.

– Сейчас наши парни вернутся, – с угрозой повторила девушка. – Они покурить вышли.

– Раз вышли, пусть совсем уходят! – оскалил зубы боблин.

Девушка гневно выкрикнула:

– Парни вернутся, и вы пожалеете!

– Э, это кто пожалеет?! – возмутился боблин. – Это ты пожалеешь!

Он обнял девушку рукой за плечи и потянул к себе. Девушка, повернувшись, уперлась в его грудь руками и одновременно через спинку сидения посмотрела в сторону тамбура.

Вторая девушка, когда рука сидевшего рядом боблина легла ей на плечи, громко закричала:

– Вла-а-ад!

Двери тамбура раскрылись, и в вагон вошли двое крепких молодых ребят лет двадцати-двадцати пяти. Один был одет в короткую спортивную куртку, армейские штаны камуфляжной окраски и высокие ботинки на шнуровке. У другого из-под распахнутого черного пальто виднелся военный свитер цвета хаки. Ребята о чем-то весело болтали друг с другом, наверное, продолжали разговор, начатый в тамбуре. И тут они увидели боблинов, сидящих рядом с их девушками и обнимающих их за плечи.

Все замерли, как в классической «немой сцене». Пассажиры вагона, до того совершенно не замечавшие приставаний боблинов к девушкам, разом отвернулись от окон и с жадным вниманием уставились на вошедших.

Первая девушка воспользовалась тем, что боблин перестал тянуть ее к себе, сумела оттолкнуться от его груди и прижалась к окну.

– Влад, что так долго?! – с возмущением и обидой вскричала вторая девушка. – К нам пристают эти... хвостатые.

Тут надо напомнить, что в Колоссии слово «хвостатые» для боблинов было страшным оскорблением, более грубым и унижительным, чем многочисленные клички и прозвища, придуманные людьми на Земле для представителей других национальностей.

Крик девушки как будто спустил натянутую пружину. Крепкие ребята в полувоенной одежде бросились в середину вагона, к своему купе. Боблины вскочили, но не побежали, а встали в проходе. Один из них выхватил нож:

– Э, не подходи! Порежу!

– Я тебе этот нож сейчас под хвост забью! – выкрикнул парень в армейских штанах, но, тем не менее, остановился вне досягаемости холодного оружия.

Боблин решил, что человек испугался ножа, и оскалил клыки:

– Сдохни, слизняк!

Он сделал выпад ножом, однако стремился не столько попасть в цель, сколько устрасить еще больше.

Но человек стремительным, едва уловимым движением перехватил руку с ножом и вывернул кисть. Нож упал куда-то под сидение, но из-за пыхтения борющихся мужчин, топота

их ног и стука колес звук падения не был слышен. Парень в армейских штанах ударил боблина коленом в бок, вывернул ему руку еще дальше за спину и навалился на него всем телом, сбивая с ног и подминая под себя. В этот момент человек в пальто почти без разбега, с разворотом, опершись руками на спинку сидения, подпрыгнул и прямо поверх головы своего товарища нанес удар обеими ногами в грудь второго боблина. Тот отлетел почти к дверям тамбура и завалился на спину в проходе рядом с моим сидением. От удара и падения он потерял сознание.

В общем, не успел я придумать, как можно помочь людям, а они уже прекрасно справились без меня. Парень в камуфляжных штанах завернул руки боблина за спину и тащил его по проходу к выходу, а его товарищ в пальто волоком тянул своего бесчувственного противника, ухватив его за шиворот.

Боблин с выкрученными руками, задыхаясь от злобы, кричал:

– Э, пусти, слышишь! Пусти, слизняк! Ты жить не будешь! Я тут всех знаю! Гасамана знаю, Хурачжи знаю! Они тебя найдут! Ты жить не будешь! А твоя девка сама о смерти меня просить будет! Мы ее найдем! Мы тебя найдем!

Одна из девушек, взволнованно и восторженно глядя на своего героя-защитника, воскликнула:

– Надо вызвать полицейников!

– Ага, как же! – зло ответил парень в пальто. – Эти хвостатые полицейникам столько денег дадут, что мы же будем виноваты. Мы в тюрьму, а вы – хвостатым на развлечение.

– А что же делать?

– Выкинем их на станции, и все!

Действительно, в это время поезд тормозил, подъезжая к следующей станции. К тому времени, как он остановился, люди затащили боблинов в тамбур. Тот, который от удара потерял сознание, начал шевелиться, брыкаться ногами и что-то говорить на своем языке.

– Живучая, тварь хвостатая! – пнул его ногой парень в пальто.

Когда двери поезда открылись, боблинов вытолкали на станцию. Поджидавшие поезд люди, увидев вываливающихся из дверей помятых, ругающихся боблинов, обогнули их и вошли в вагон. Должно быть, подобная картина не была редкостью на станциях Муравских пригородных поездов.

Двери закрылись. Люди-победители направились к своему купе, чтобы успокоить девушек. В это время оба боблина подбежали к окну и начали колотить в него кулаками, изрыгая потоки угроз и ругани:

– Мы вас запомнили! Вам не жить! Всех найдем!

Девушки отодвинулись от окон и инстинктивно закрыли лица ладонями. Их друзья закричали в ответ боблинам:

– Если нас найдете, то сами сдохните, хвостатые твари! Мы в Колосии у себя дома!

– Колосия – наша! И вы, слизняки, тоже наши! Вы жить не будете! Всех найдем! Всех!

– Что же с нами будет?! – с горечью воскликнула одна из девушек. – Как дальше жить?

Поезд сдвинулся с места и медленно покатил. Боблины пошли сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, потом побежали. Они не переставали стучать по стеклу и злобно кричать, пугая и угрожая, путая слова колосского языка со своими родными.

Я понял, что нельзя вот так оставлять боблинов. Наверняка, их угрозы не были пустыми звуками. И если парни в полувоенной одежде могли за себя постоять в честном бою, то при нападении численно превосходящих врагов они были бы убиты или серьезно покалечены. А что уж говорить об их девушках, которых ждала бы участь куда более страшная, чем просто смерть!

Когда боблины уже отстали от нашего вагона, но все еще стояли на краю станции, часть платформы под их ногами обвалилась, и они упали вниз, прямо под колеса последних вагонов набирающего скорость поезда. Вероятность того, что старые Муравские станции начнут

рассыпаться от ветхости, была очень велика, так что мне не пришлось прикладывать особых магических усилий.

На Колосских теллургиевых дорогах несчастные случаи с человеческими и боблинскими жертвами не были редкостью. Наш поезд даже не стал останавливаться, чтобы не сбивать график движения на всем маршруте.

Девушки и парни так и не узнали о гибели своих врагов. Я не мог сообщить им о своей помощи, не выдав себя, не объяснив произошедшего на станции. Одна девушка рыдала, ее друг успокаивал ее, обняв и глядя ладонью по волосам. Другая девушка, наоборот, поцелуями благодарила своего друга и защитника.

Я был так восхищен своей мудростью и ловкостью, что пропустил момент, когда в купе к победителям подсел невысокий, крепко сложенный человек с седыми волосами. Так же, как и большинство пассажиров пригородного поезда, он был одет в немаркую, поношенную одежду. Он вместе со спутницей вошел в вагон на последней станции и, конечно, видел, как люди ловко расправились с боблинами. Но, как и они, он не знал, что боблины больше никому не могли причинить зла.

Я сидел далеко от беседующих людей, так что мне пришлось использовать магию для подслушивания.

– ...Я вижу, вы хорошие ребята, – говорил седой. – Недавно демобилизовались?

– Год назад, – ответил тот, что носил армейские штаны. – Я служил в десанте, а Влад – морской пехотинец.

– Как устроились на гражданке?

– Да, так... На жизнь хватает. Нам чужого не надо, но и своего никому не отдаем.

– Вот это правильно! Вот это по-нашему, по-великоколосски! А с армейскими друзьями связь не теряете?

– Ну, встречаемся, время от времени. Вот как раз сейчас мы едем в гости к другу в Пряниково.

Та девушка, что плакала, теперь успокоилась, и добавила:

– Да уж, хорошо начинается поездка в гости...

– Да не обращай ты внимания на всяких уродов! – весело обнял ее друг. – Колоссия – наша страна. Мы, великоколоссы, тут хозяева. И мы не позволим каким-то хвостатым портить себе настроение! Верно?

Девушка кивнула и слабо улыбнулась.

Другая девушка неуверенно спросила:

– Может быть, все-таки надо было вызвать полицейников?

– Еще чего! – парень в пальто при упоминании о полицейниках снова вспыхнул. – Что хвостатые, что полицейники – одна банда. У них все куплено, все договорено, все схвачено. Ты у них всегда будешь виноват, при любом раскладе.

– Вот это правильно! – одобрил парня седой. – А то вы не знаете, что теперь у нас в Колоссии боблины всегда правы, а мы, великоколоссы, всегда виноваты? – Он обратился к девушке, предлагавшей вызвать полицейников: – Вы что же, хотите, чтобы завтра вашего друга показали по телевизору в наручниках, а все «демократические» журналисты хором завопили о том, что великоколосские националисты опять напали в поезде на ни в чем не повинных боблинов?

Слово «демократические» седой произнес с невыразимым презрением.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Вот что, ребята, – сказал седой. – Оставляю я вам один телефон. Мы, бывшие армейские, собираемся иногда. По-дружески, без чинов. Говорим о Колоссии, о своей жизни, в общем – о разном. Будет желание, позвоните! Ну, или если помощь потребуется...

– Да мы уж сами... – начал парень в пальто.

Девушка толкнула его локтем в бок:

– Возьми, не отказывайся!

Седой достал из кармана авторучку и кусочек бумаги, что-то написал и отдал парню. Тот, не глядя, засунул бумажку в карман пальто.

Разговор перестал меня интересовать. Мне во что бы то ни стало нужно было заполучить телефонный номер. Просто подойти и попросить телефон я не мог, это было бы встречено с недоверием и подозрительностью. Устраивать допрос с помощью майи из-за одной бумажки я не хотел.

Значит, телефонный номер я должен был вывести незаметно. Повинуясь моей магии, бумажка с записью выскользнула из кармана пальто, нырнула под сидение, проползла по стене, быстро пересекла проход и оказалась в моих руках. Никто из пассажиров не заметил перемещения столь маленького предмета. Да, не зря я тренировался на подземной базе Браспасты!

Посмотрев на номер, я с помощью магии отпечатал его на подкладке своей куртки. После этого обратным путем я вернул бумажку с записью в карман пальто. Может быть, ребята все-таки решат связаться с той организацией, о которой столь туманно высказался седой попутчик.

После конфликта с боблинами в вагоне стало тихо. Люди старались не смотреть друг на друга, словно только теперь, задним числом, устыдились своей трусости и равнодушия. Поговорив с молодыми героями, седой человек вернулся на свое место рядом с пожилой женщиной в скромной одежде. Скорее всего, это была его жена. С ней он перебросился парой фраз, а потом достал из старинного брезентового рюкзака потрепанную книгу и углубился в чтение.

Парни со своими девушками продолжали о чем-то тихо разговаривать, но их личные дела меня не интересовали. Единственный раз я сосредоточил на них внимание только тогда, когда тот, кто носил камуфляжные штаны, вспомнил про выбитый у боблина нож, залез под сидение, нашел его, достал, осмотрел.

– Подарю Павлухе! – сказал парень и убрал нож в свою большую спортивную сумку, лежавшую на багажной полке.

Я решил, что Павлухой звали его армейского друга, в гости к которому направлялась компания.

Мурава осталась позади, теперь поезд шел мимо распаханых полей и огородов, садов и лесов. На деревьях почти не осталось листвы, пейзаж за окном был серым и однообразным. И станции, на которых останавливался поезд, имели вполне великоколосские названия: «Гнилуши», «Тоскуево», «Худяково», «Погорельцы», «Гиблое».

Наконец, едва слышимый из дребезжащих динамиков голос объявил:

– Следующая станция Перебежки.

Это была моя остановка. От станции до родительского дома оставалось всего три километра, или полчаса быстрого пешего хода. Я едва дождался момента, когда поезд остановится, и двери откроются.

Пока я ехал, солнце поднялось довольно высоко, и, несмотря на позднюю осень, тепло его лучей я ощущал на своем лице. Я осмотрелся, ища ориентиры, названные мне тетей Викой. Вот сам поселок Перебежки, вот центральная улица, которая должна была меня вывести на проселочную дорогу, ведущую в соседний поселок, Калиткино. Именно в Калиткине находился дом моих родителей, дом моего детства, начисто стертого из памяти.

Три километра я решил пройти пешком. Дорога была сухая, и я не боялся испачкать обувь. Может быть, этот путь вызовет из глубин памяти какие-то ассоциации, небольшие отрывки воспоминаний?

Я пошел по центральной улице Перебежек, бросая быстрые взгляды по сторонам. Поселок давно уже проснулся. Я видел людей во дворах и в переулках. Все они были заняты какими-то обычными хозяйственными делами. Я шел и задавал себе вопросы: что делали мои родители

в этой сельской местности, как тут жили? Почему они не поселились в городе, в средоточии информации, культуры, общения?

Центральная улица поселка, как это было традиционно для Колоссии, не шла прямо, а петляла между домами и дворами. И вот, обогнув очередной дом, я увидел перед собой высокий глухой забор высотой около четырех метров, составленный из бетонных плит. Он перегородивал дорогу и расходился в обе стороны, насколько я мог видеть. В заборе не было ни ворот, ни двери, ни лаза. А вдоль бетонной стены была протоптана узкая тропинка.

В рассказах тети Вики забора в этом месте не было. Наверняка он появился здесь в последние десять лет. Да и то, что забор перегородивал широкую удобную дорогу, свидетельствовало о его чужеродности и недавнем возведении.

Выяснить, что находится за забором, можно было только с помощью магии. Я мог посмотреть сквозь забор, но далеко заглянуть не сумел бы, да и изображение получалось бы недостаточно отчетливым. Или же я мог немного взлететь и посмотреть поверх забора. Последний способ был бы более информативным, но меня могли увидеть люди в поселке, а летать на глазах изумленной публики мне как-то не хотелось.

Я оглянулся, чтобы определить, насколько заметным или незаметным окажется мой взлет на четырехметровую высоту, и увидел старушку, шагавшую по улице в мою сторону. Она шла, опустив голову, быстро переставляя ноги, но делая мелкие шажки. Старушка не смотрела на меня, из чего я заключил, что идет она не ко мне. Просто старушка шла привычной дорогой и, наверняка, собиралась обойти забор по кратчайшему пути. Разумеется, от местной жительницы я мог узнать и историю, и причину появления забора. Вот только мои расспросы могли вызвать у старушки подозрения, да и сама она захотела бы узнать, кто я, что тут делаю и куда направляюсь. Поэтому беседу в реальном мире я решил заменить разговором в майе.

– Здравствуйте! Вы не подскажете, как лучше добраться до Калиткино?

– А вот туда иди! – старушка махнула рукой направо. – Обойдешь забор, и снова выйдешь на старую дорогу. Она тебя прямо в Калиткино и приведет.

– Кто же тут этот забор поставил прямо поперек дороги?

– Да уж, считай, пять... да нет, шесть лет тут стоит. Так и ходим вокруг.

– Кто его поставил-то?

– Да монастырь тут открыли, наш, славословный, – старушка сложила пальцы правой руки в щепоть и поочередно дотронулась до правого плеча, левого плеча и лба. Это был треугольник – символ веры христианской религии и, в том числе, одной из его ветвей – славословия.

– Что же монахи о людях не подумали? – спросил я.

– Как не подумали? – удивилась старушка. – Они денно и ночью молят за нас, грешных, бога нашего, Изуса Хруста, да будет благословенно его имя.

Старушка вновь сотворила треугольник.

– Я про забор говорю. Зачем они поставили забор поперек дороги?

– Так ведь там раньше земляца была ничейная, там издавна мы, перебежкинские, пасли скотинку вместе с калитковскими. Ох, какая там травка была на заливных лугах вдоль ручья! Молоко у моей коровки получалось обильное, вкусное! А на том берегу, на пригорке, церквушка стояла старинная. При Уравнителях-то церквушку закрыли, обветшала она, развалилась. А при нынешней власти вновь вернулась сюда благословенная славословная вера. – Старушка еще раз треугольником осенила лицо. – И вот эти места так понравились нашим заступникам перед богом, что порешили они не только церквушку восстановить, но и возвести здесь монастырь для благословенной славословной братии. Вот и отгородили они монастырь. А заодно обнесли изгородью луга, ручей да часть рошицы. Так что туда, налево, ты не ходи, там, считай, верст десять вокруг надо обойти. А направо – вдвое короче.

– Где же вход внутрь? Почему не сделали ворота на месте дороги?

– Так ведь благословенная братия проложила в монастырь дорогу со стороны Калитикно, от большого шоссе. Они и замостили дорогу, и парадный въезд в монастырь сделали во славу божью. А этой дорогой они не пользуются. Благословенная братия в свой монастырь только на машинах ездит, пешком от станции не ходит. Так что с этой стороны дорога уже пять... да нет, шесть лет закрыта.

– Но почему для людей-то не оставили проход? Почему вам, местным жителям, не разрешают ходить по старой дороге?

– Ох, так кто же нам, грешным, позволит ступить по благословенной монастырской земле, посвященной богу нашему, Изусу Хрусту? – старушка сотворила треугольник. – Мы уж как-нибудь по краешку обойдем, лишь бы простились грехи наши тяжкие, лишь бы молилась за нас благословенная монастырская братия. Да и ведь они нас не гонят со двора, в церквушку-то нас пускают, отмаливать грехи наши тяжкие, да жертвовать малую толику на монастырь во славу божью.

Старушка помолчала, вспоминая о чем-то, и быстрым движением смахнула набежавшую слезу:

– Вот только коровку мою жалко. Когда ее пасти стало негде, пришлось на мясо отдать. Уже пять... да нет, шесть лет прошло, а до сих пор ее жалею. Ох, какое у нее молоко было... Вот если бы можно было поминать коровку-кормилицу в заупокойных молитвах, то я бы уж свечку за нее поставила.

Полушутя я посоветовал старушке:

– А вы дайте монахам денег! За деньги они не только корову, но и крыс со змеями согласятся в молитвах упоминать.

– А что? – как бы сама у себя спросила старушка. – А и попробую! Небось, благословенная братия не откажется ни от скромного приношения во славу божью, ни от поминания доброй безответной скотинки, никому зла не сделавшей. Мужа-то моего покойного, пьяницу, драчуна, бездельника в молитвах поминают. А уж коровка-то была и полезнее, и добрее его.

– Так вы ходите в церковь вокруг всего забора? – спросил я.

– А как же иначе? – удивилась старушка. – В церковь-то ходить надо. Свои грехи замаливать, покойников в молитвах поминать, чтобы на том свете им легче жилось. Без церкви, да без благословенной веры славословной нам, людям великоколосским, никак нельзя.

Я уточнил:

– Славословные священники отобрали вашу землю, из-за них вы лишились единственной коровы. И вы все равно идете в их церковь и платите им деньги, потому что считаете себя грешницей, а их – святыми?

Старушка смотрела куда-то вдаль и часто моргала ресницами. Даже в созданной мной майе она не могла осознать того, что я сказал. Привычные фразы помогли ей найти ответ:

– Ох, кто мы такие, великие грешники, чтобы рассуждать о правде, да о справедливости божьей? Наше дело трудиться да молиться, а уж после смерти Изус Хруст, да будет благословенно его имя, рассудит, да разберет все наши грехи.

Я узнал все, что мне было нужно, и дальше продолжать разговор не было никакого смысла. Разумеется, я не собирался обходить забор. Оглядевшись и увидев, что, кроме пребывающей в майе старушки, поблизости нет ни одного жителя Перебежек, я в одно мгновение перемахнул через забор.

Моим глазам открылось обширное пространство в несколько гектаров. Прямо передо мной расстиралось поле, которое плавно спускалось к ручью, обозначенному цепочкой кустов и невысоких деревьев. На другой стороне ручья тоже раскинулось поле, поднимавшееся на пригорок, к белому каменному храму хрустианской религии, блестящему на солнце позолоченной крышей. Слева от храма были выстроены вполне современные двух- и трехэтажные коттеджи. Возле них располагались хозяйственные постройки и гаражи. Присмотревшись

и употребив немного магии, я разглядел дорогие автомобили иностранного производства. В общем, священники жили в монастыре со всеми привычными удобствами, как в доме отдыха.

Славословная братия имела все основания скрывать за высоким глухим забором свой быт от посторонних взглядов. Даже ограниченное сознание истово верующих людей типа старушки рано или поздно могло задаться вопросом, почему священники на словах проповедуют смирение, бескорыстие и трудолюбие, а на деле ведут жизнь богатых бездельников.

Старая дорога, на которой я оказался по другую сторону забора, уже успела зарости травой. Пешеходный деревянный мостик через ручей подгнил и покосился. Но на противоположной стороне я видел хорошую асфальтированную дорогу, ведущую от въезда на территорию монастыря к коттеджам. Четырехметровый бетонный забор вдалеке казался грязно-серой веревкой, исчезавшей за деревьями далекой рощи.

Я подумал, что мягкая земля, на которой стоял забор, служила не слишком надежным основанием для фундамента. Вероятность того, что забор рано или поздно рухнет, была велика. И я мог бы немного ускорить этот процесс.

Повинуясь моей воле, бетонные плиты начали падать внутрь монастырской территории одна за другой, как домино. Через несколько минут вокруг монастыря образовалась дорога из поваленных бетонных плит.

Я вывел старушку из майи, внушив ей забыть нашу встречу и не видеть меня, стоящего в нескольких шагах по другую сторону упавшего забора.

Но старушка и не смотрела в мою сторону. Она, все так же часто моргая, озирала открывшийся перед ней простор и дорогу, хотя и покрытую пожухлой осенней травой, но все же прямую и удобную для ходьбы.

– Монастырская оградка рухнула! Ишь ты, напасть-то какая! – с искренним горем воскликнула старушка. – Ну, да ничего, с божьей помощью благословенная славословная братия все восстановит. Да и мы всем миром поможем поставить оградку!

Старушка сотворила треугольник перед своим лицом и зашагала по протоптанной узкой тропинке вокруг упавшего забора.

А я пошел прямо, по старой короткой дороге. Вблизи мост через ручей оказался крепче, чем выглядел издали, так что я прошел по нему, даже не прибегая к магии. Приближаясь к храму и коттеджам, я увидел монастырскую братию, выбежавшую из своих домов и мечущуюся из стороны в сторону. Падение всего забора вызвало легкую панику и неразбериху. Одни предлагали немедленно звонить строителям и требовать восстановления забора по гарантии. Другие говорили о необходимости возведения нового забора с помощью других строительных фирм. На меня никто не обращал внимания. Монахи были слишком заняты решением проблем собственного удобства и благополучия. Знание названий множества строительных фирм свидетельствовало о том, что к обустройству своего комфортабельного быта славословная братия относилась очень серьезно.

Магию мне пришлось применить только тогда, когда я проходил мимо въезда в монастырь. Возле ворот находился пункт охраны. Несмотря на падение забора, два пожилых охранника в черной форменной одежде по-прежнему стояли возле лежащих на земле ворот. Они обязаны были ограничивать передвижение людей, не допускать их прохода и проезда по вверенной территории. И даже теперь, когда их служба до восстановления забора потеряла смысл, они твердо стояли на посту.

Пройдя незамеченным мимо охранников, я пошел в Калиткино по хорошей асфальтированной дороге. Дорога шла через лес, и вскоре за деревьями я увидел первые дома. Вступив на улицу поселка, я с разочарованием отметил, что совершенно не узнаю и не вспоминаю местность, где прошло мое детство. Впрочем, вполне возможно, это было связано со значительными изменениями в самом поселке. В отличие от типичных колосских Перебежек, состоящих из одноэтажных, потемневших от времени бревенчатых домиков с маленькими окнами

и покосившимися крышами, Калиткино было застроено вполне современными домами, лишь немного уступавшими по комфортабельности монастырским коттеджам. По обеим сторонам центральной дороги располагались магазины с большими стеклянными витринами. Если в Перебежках жили одни только люди, великоколоссы, то в Калиткино возле нескольких домов я увидел боблинов. И, разумеется, в магазинах торговали тоже они.

Может быть, близость богатого монастыря и хорошая дорога способствовали развитию поселка и превращению его в маленький городок? Что же, в таком случае, было выстроено на месте дома моих родителей? Вряд ли деловые боблины допустили бы, чтобы в благополучном поселке остался заброшенный, незаселенный участок земли.

Я шел по центральной улице и читал на вывесках названия боковых улочек: «Ручейная», «Заячья», «Садовая»... Стоп! Садовая, дом 5 – это адрес моего дома.

Я свернул на боковую грунтовую улицу и пошел по левой стороне, вдоль участков с нечетными номерами. Вот забор дома номер один: наполовину кирпичный, наполовину из кованой металлической решетки. Вот забор дома номер три: глухой дощатый, выше человеческого роста, выкрашенный в зеленый цвет. А вот... а вот покосившийся, местами разрушенный, заборчик из редкого штакетника высотой по пояс. За забором – одичавший, заброшенный сад. Сквозь голые ветви кустов и деревьев хорошо видны развалины дома. Первый кирпичный этаж сохранился еще неплохо, хотя часть стены между двумя окнами была разломана, стекла в окнах разбиты, и входная дверь отсутствовала. А вот второй этаж был разрушен почти полностью. Несколько почерневших, обугленных бревен торчали в разные стороны, словно ветки, выбившиеся из птичьего гнезда. И только единственная оставшаяся пара стропил пустым треугольником обозначала очертания бывшей крыши.

Увиденное в сочетании с картинкой, нарисованной тетей Викой, помогло мне живо представить, как выглядел дом раньше, до нападения истребителей магов, до взрыва. Тетя Вика не изобразила окружавшего дом сада, и теперь, когда я соберусь открыть дверь во времени, мне надо будет сделать необходимые корректировки. Уже одно это сделало мое посещение родительского дома не бессмысленным. Единственное, что меня смущало – это полное отсутствие каких-либо воспоминаний о том времени, когда я здесь жил.

Не меняя скорости шага, я прошел мимо забора родного дома. Следующий участок был огорожен плотным высоким штакетником, сквозь который на улицу выбивались ветки колючих кустов. Да и другие дома на улице имели все внешние признаки преуспевания.

Я дошел до конца улицы, все мои органы чувств были до предела обострены. Истребители магов знали, кто я, и потому могли устроить засаду возле дома моих родителей в расчете на то, что я рано или поздно здесь появлюсь. Успокаивало меня только то, что в Колосии я не показывался уже два месяца. Если истребители магов или ученые из КОЛО устраивали здесь засады во время моего предыдущего довольно шумного появления, то потом, не дождавшись меня, они могли их убрать. Хотя... ведь послали же истребители магов оборотней за мной на Землю спустя десять лет. Значит, они ничего не забывали.

Осмотр и магическое прощупывание домов вдоль улицы показало, что ни в одном из них нет вооруженных или хотя бы просто подозрительных существ. Женщины занимались хозяйственными делами, маленькие дети играли. Большинство домов сейчас пустовало, так как их хозяева ушли на работу, а дети – в школу.

В конце улицы, выходящей прямо на распаханное поле, я развернулся и пошел в обратном направлении, еще раз проверяя и перепроверя окружавшее мой дом пространство. Поравнявшись с одним из проломов в заборе родительского дома, я легко скользнул в сад. Опавшие листья и засохшая трава зашуршали у меня под ногами. Возле дома не было видно никаких следов пребывания людей, боблинов или оборотней. Или же эти следы были хорошо замаскированы.

Я осторожно приблизился к входу в дом, но мои опасения пока не подтверждались. Я не обнаружил ни ловушек, ни следящих устройств. Их не было ни вокруг дома, ни внутри его. Собственно, сам дом можно было считать одной большой естественной ловушкой. Деревянный пол из толстых досок теперь во многих местах провалился, бревна и стропила на крыше еле-еле держались и могли рухнуть в любой момент. В общем, вход в дом сам по себе был довольно рискован. Может быть, именно поэтому истребители магов, если они тут побывали, не оставили внутри никаких сюрпризов.

Я поднялся по сложенным из кирпича ступенькам и вошел в дом через дверной проем. Внутри дома было совершенно пусто. Наверное, истребители магов вывезли из дома мебель и все вещи еще десять лет назад.

Я рассчитывал, что внутри дома у меня пробудятся хоть какие-нибудь воспоминания о детстве. Я медленно и осмотрительно ступал по сохранившимся доскам пола, переходил из комнаты в комнату. Остановился возле лестницы, которая раньше вела на второй этаж, а теперь была направлена прямо в небо. Деревянные ступени лестницы совершенно сгнили от дождей и снега, так что подняться по ней без помощи магии я не рискнул.

Как рассказывала тетя Вика, именно на втором этаже находились мои родители и я, когда в дом ворвались истребители магов. Там была открыта дверь на Землю, через которую меня унесла тетя Вика. И там произошел взрыв, уничтоживший и нападавших, и обитателей дома... или же скрывший их исчезновение.

Я посмотрел наверх, примериваясь, как лучше пролететь над лестницей и пробраться наверх, в бурелом изломанных, обгоревших стен и перекрытий.

И тут возле входа в дом послышался громкий мужской голос:

– Эй, кто там внутри?! А ну, выходи немедленно!

Крик застал меня врасплох. Поглощенный изучением развалин, я сузил зону собственной безопасности. Приготовившись к защите или к бегству, я распространил во все стороны свои магические чувства.

Перед входом в дом я обнаружил одного-единственного человека лет тридцати пяти-сорока. Это был высокий крепкий мужчина с развитой мускулатурой, с мозолистыми руками. На нем была простая рабочая одежда, поношенная, кое-где испачканная землей и машинным маслом. Мужчина стоял на земле перед кирпичными ступеньками главного входа и, по-видимому, не собирался входить в дом. Он был безоружен, если не считать универсального разводного ключа, торчавшего из кармана.

Убедившись, что это не оборотень, я отозвался:

– В чем дело?!

– Выходи, говорю! – крикнул мужчина. – Дом вот-вот рассыплется! Два года назад тут одного пацана уже покалечило!

Я решил, что это один из местных жителей, проходивший по улице и случайно заметивший мой силуэт в пустых окнах, или услышавший скрип полов под моими ногами. От этого человека я мог получить дополнительные сведения о доме и о событиях последних десяти лет. Поэтому я решил продолжить разговор, но для безопасности перенес его в майю.

Я подошел к дверному проему и остановился наверху лестницы. В майе я изменил свою внешность, но возраст оставил настоящий. Подражая уверенному, приказному тону мужчины, я заявил:

– Пусть всякие пацаны не лазают по чужим домам! Тогда и не покалечатся!

Мужчина хмыкнул:

– Можно подумать, будто ты залез к себе домой.

В майе я не боялся признаться:

– Да, я у себя дома. И вы, между прочим, сейчас стоите на моей земле!

Мужчина о чем-то глубоко задумался. Его грубоватое, покрытое загорелой и обветренной кожей лицо, обычно бесстрастное, теперь выражало целую бурю эмоций. Я уже не в первый раз пожалел, что мой магический талант не распространяется на чтение чужих мыслей.

Справившись с волнением, глухим и осипшим голосом мужчина произнес:

– Так ты говоришь, что это твой дом? Не врешь?

– У меня уже давно нет необходимости никому врать, – строго, отчетливо проговорил я. – Этот дом принадлежал моим родителям. Я – единственный законный наследник. Судя по тому, что этот дом пустует уже десять лет, других претендентов на него нет.

Мужчина снова замолчал, борясь с волнением. Наконец, обращаясь не столько ко мне, сколько к самому себе, сказал:

– Ну вот, и свершилось...

– Что свершилось?

– Ты один? – спросил мужчина, как будто меня не слышал. Впрочем, возможно, что он от волнения случайно произнес вслух слова, вертевшиеся в голове и не предназначенные для озвучивания.

– Один.

– Я так понимаю, ты приехал издалека?

– Примерно так.

– Вот что, пойдём ко мне! Там и поговорим.

– О чем же мы будем говорить? Почему бы ни поговорить прямо тут?

– Кто же разговаривает через порог? Да ты не бойся!

– Я-то давно уже ничего не боюсь, – усмехнулся я, подозревая, что мужчина хочет взять меня на «слабо».

– Да я не то имел в виду. Не бойся, я тебя не выдам.

– Не выдадите? – насторожился я. – А кому это вы можете меня выдать?

Мужчина вздохнул:

– Ну, ладно. Скажу сразу все, как есть, а там сам решай. Дело в том, что десять лет назад я был офицером Национальной Колосской Внутренней Дружины. И по долгу службы я был тут, когда... когда все это произошло.

Теперь настал мой черед замереть от обилия противоречивых мыслей. Передо мной стоял человек, который мог подтвердить или опровергнуть информацию о гибели моих родителей. В первом случае он, возможно, сам был виновен в их смерти. Но, с другой стороны, он сказал, что «был» офицером НКВД. То есть, сейчас он им не являлся. И выдавать меня своим коллегам или истребителям магов мужчина, по его словам, не собирался. Опять же, мне было известно, что «бывших» офицеров спецслужб не бывает. И ведь не случайно человек оказался возле моего дома в тот момент, когда я был внутри. Не хотел ли он выманить меня из дома и завлечь в засаду? Я еще раз проверил окрестности дома. Нет, ничего опасного или подозрительного не наблюдалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.